

ОДЕССИТЫ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Въ клубъ "Юніонъ"
состоится
АНОНСЪ

ВЪЗДѢЛЪНОВОЙ БИРЖИ
Въ утрое, вомалѣ 6 утра

Состоится въ Концертномъ Залѣ
КОНЦЕРТЪ Мариі Ивановны Долиной
извѣстной артистки.
Всѣхъ желающихъ
въ 8 часовъ

Х. К. Яцери П. Яцери

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 3 (74).

Ноябрь. 2009 год.

Горит Дом Русова. Фоторепортаж Е. Волокина смотрите на 6-й стр.

Добрый вечер, дорогие одесситы!

Нас всех сблизи интернет, решила найти сведения о судах китобойной флотилии "Советская Украина" и "Слава". На этих судах проплавал мой папа более 8 лет. Я Зиновьева Зоя Александровна, проживаю постоянно в Трених уже более 32 лет, со мной живет и моя мама. Папа, к сожалению, умер, уже более 23 лет его нет с нами. И вот, когда я вышла на сайт о китобоях, сердце стало учащенно биться. У нас дома очень много фотографий из этих знаменитых походов наших китобойцев: переход экватора, празднование Дня Нептуна, разделывание китов, фотографии королевских пингвинов, встреча наших моряков в австралийском порту, встреча моряков после длительного рейса в Одессе, да и много чего другого.

Мы очень скучаем по нашей Одессе с ее каштанами и акациями, по нашей Молдаванке. Приморский бульвар, Институт народного хозяйства, который я окончила много лет тому назад. Все, наверное, уже давным-давно изменилось.

Я работаю в греческом журнале, занимаюсь переводами туристического содержания, естественно, постоянно общаюсь с Родиною, но уже только посредством интернета, и то с не знакомыми мне людьми, ведь мое поколение выехало кто куда. Кто в США, кто в Израиль, словом, никого не могу найти. Но нашла вас, и то стало как-то радостней. Я рада новым переменам, но мне странно, как все было раньше, и как все выглядит сейчас. Да, время летит...

Огромный привет нашей Одессе, одесситам.

С уважением,

Зоя Зиновьева
zoyasorai@gmail.com

Здравствуйтесь!

Меня зовут Алексей Ложников. Я проживаю в селе Одесском Омской области. Основали наш район в начале 20 века выходцы из Одессы.

Традиции своей далекой прародины одесситы хранят до сих пор. Например, у нас есть Дебриасовская (правда, не улица, а площадь). Да и с юмором у одесситов наших все в порядке.

Я являюсь владельцем неофициального портала Одесского муниципального района. Идея нашего информационного ресурса — объединение бывших и нынешних одесситов. Я думаю, одесситам всего мира будет интересно узнать о сибирской Одессе.

Адрес портала: odesski-portal.ucoz.ru

Одесский филиал
odesskoe-gtrk@gtrk-omsk.ru

Да, это моя ошибка, что я не пояснила в первом письме ничего. Что касается вечера, это было бесподобно! 4,5 часа прошли на одном дыхании. Этот вечер явно мог бы идти как марафон еще не один час. Билетов на всех желающих не хватило, и среди нашей компании из 15 человек мы разыграли лотерею, в которой четверо победителей и пошли на этот вечер. Конечно, это уникальное мероприятие, на котором в одном флаконе по-счастливилось увидеть такое количество великих и талантливых людей. А также организаторов и просто родных и любимых одесситов. И желание приехать в Одессу, не только следующим летом на открытие памятника, во мне всыхнуло с новой силой. Пусть мне еще 34 года (или уже), но как мне все это близко! Как я поняла, ничего отретушировано не было. И этот в некоторых моментах экспонат был мил и искренен. Может, не все приглашенные пришли, а может, и наоборот, пришло больше людей. Но мест на всех явно не хватило, так как люди стояли вдоль стеночек. Удовольствие, которое не купишь ни за какие деньги.

Спасибо Вам, Всемирному клубу одесситов, и конечно же, руководителю театра "Школа современной пьесы" Иосифу Райхельгаузу.

С наилучшими пожеланиями,

Херсонская Наталья,
отдел направления продвижения продукции ЗАО "Первая Видеокомпания"
hersonskaya@video.tv.ru

Здравствуйтесь!

Скажите пожалуйста, возможно ли как-то приобрести книгу "Большой фронт одесского юмора" Хайта на территории России, в частности, в Москве? Вроде презентация сей книги прошла, а в продаже ее нет.

Спасибо.

Наталья
leia@yandex.ru

Здравствуйтесь, дорогие друзья!

Хочу поздравить Александра Розенбойма с 70-летием. Здоровья, благополучия, долгих лет жизни на благо нашей любимой Одессы. Я не знаю его имейл-адрес, прошу, передайте ему: его старый друг Алик Погребинский из Австралии, город Сидней.

klavdia@tjg.com.au

Из письма председателя вновь формируемого клуба одесситов Санкт-Петербурга (КОСП) Анастасия Коварского — директору Всемирного клуба одесситов Леониду Рукману.

...Я уже начал организовывать во Дворце мероприятий для одесситов. Так 21-го октября специально для одесситов в нашем кафе выступал одессит, певец-бард Виктор Байрак (сейчас он живет в Воронеже. В свое время вместе с Бундой играл в Брейн-ринге).

Есть договоренность с Костей Котельниковым выступить перед одесситами с песнями об Одессе. Художники предлагают провести выставку своих картин. Одним словом, работа идет.

Среди наших одесситов проявляется огромное желание объединиться.

Это подтверждают следующие их письма в мой адрес:

"Анатолий Леонидович, здравствуйтесь! Очень приятно, что вы приглашаете меня в Клуб, я с удовольствием принимаю ваше предложение. Служу я в театре "Зазеркалье", лауреат международного конкурса, лауреат национальной театральной премии "Золотая маска", заслуженный артист РФ.

Елена Терновая".

"Здравствуйтесь! Еще раз огромное вам спасибо за то, что вы делаете!

Ирина Рукшевич".

"Здравствуйтесь! Очень приятно за ваши намерения сплотить всех одесситов.

Анатолий Крушельницкий".

"Спасибо за ответ. Вы сделали мне хорошо, как говорят в Одессе. Пишите!

Анна Биволь".

"Здравствуйтесь, Анатолий. С радостью вступаю в клуб, объединяющий столь родных мне людей по Родине — одесситов.

Татьяна Малкова".

"Здравствуйтесь, Анатолий Леонидович!

Желаю вам успехов в ваших задумках, постараюсь заинтересовать своих знакомых.

Ольга Кальцова".

"Здравствуйтесь Анатолий! Приятно удивлена и благодарна за ваше сообщение и приглашение в клуб. Согласна участвовать и при первой возможности познакомлюсь с вами лично.

Татьяна Колосниц".

Я уже начал организовывать во Дворце мероприятия для одесситов.

С наилучшими пожеланиями,

Анатолий

В Президиумский Совет Всемирного клуба одесситов.

8 августа 2009 г. основателю и первому президенту Берлинского клуба одесситов Юрию Исидоровичу Курильскому исполнилось бы 74 года. Он прожил неполных семьдесят лет, но этот большой красивый человек успел очень многое сделать для спорта, для Украины, для Одессы и для одесситов. Его жизнь — это красивая работа, красивые поступки, красивые мысли, сердечное отношение к людям. Это стремление идти вперед, к вершинам своей профессии, причем так же красиво, побеждая в честной борьбе своих друзей-соперников. Один из его коллег писал о нем: "Тренер, который не повышал голос", — а в такой работе это теоретически невозможно, но таков был этот одаренный человек — заслуженный тренер Украины.

Юрий Курильский — это целая эпоха в отечественном женском волейболе. Под его руководством одесская команда "Медик" добивалась больших успехов в чемпионатах Советского Союза высшей лиги, выигрывала Кубок СССР, а в 1983 г. "Медик" завоевал Кубок обладателей Кубков европейской стран. В 1970 г. под руководством Юрия Курильского студенческая сборная СССР стала победительницей на Всемирной студенческой универсиаде в Италии, а в 1975 г. под руководством Юрия Исидоровича сборная Украины выиграла спартакиаду народов СССР.

Вся его жизнь была творчеством. А разве не творчество воспитать спортсменок международного класса, таких, как Ольга Казакова и Любовь Рудовская, в 1976 г. в Монреале ставших серебряными призерами олимпийских игр? А уже в 1988 г. на олимпиаде в Сеуле еще одна воспитанница Курильского, Ольга Шкурнова, стала олимпийской чемпионкой.

Юра — коренной одессит со свойственной этой "национальности" легкостью характера, чувством юмора и мастерством доброй шутки. Кто же как не он, остроумец, выдумщик, живя в Берлине, на пустом месте мог создать прекрасный Клуб одесситов? Он объединил вокруг себя более 150 одесситов, проживающих в Берлине, и этим сохранил в их сердцах, в их душах память о нашем прекрасном городе. С тех пор образ Одессы, ее символы, ее знаменитые люди навсегда не только вошли в жизнь одесситов, но и постоянно озвучиваются во многих землячествах Берлина и других городов Германии. То есть Юрий Курильский и поныне продолжает свою деятельность патриота и гражданина Одессы.

Он был частью Одессы, приветом любимого города, нитью, связующей нас с Родиной. Он был и остается делегатом Одессы в Берлине. И поэтому теперь наш клуб называется "Берлинский клуб одесситов им. Юрия Курильского".

В год 215-летия нашего города Совет Берлинского клуба одесситов официально обращается к Президиумскому Совету Все-

мирного клуба одесситов с предложением о присвоении звания Почетного одессита заслуженному тренеру Украины по волейболу Юрию Курильскому (посмертно).

Мы уверены, что этим список Почетных одесситов пополнился именем еще одного Достойного Человека.

Совет Берлинского клуба одесситов.

Берлин,

14.08.2009 г.

Не знаю, насколько это интересно кому-либо еще, но как доказательство популярности песни "Одессит Милка" могу привести рассказ моего дедушки Илья Ефимовича Зиссера. Во время войны, для того чтобы услышать эту песню в исполнении родной знаменитости, он пожертвовал своим обедом — и отдал обед этой самой знаменитости. Так что песня однозначно была популярной, несмотря на различные директивы.

С ком. приветом,

Стас Кишиневский
kishinevsky@gmail.com

Здравствуйтесь, скажите пожалуйста, как можно найти сайт "Одесской колонии в Москве (ОдеКолон)"? С уважением, кандидат юридических наук С.В. Максименко.

s.v.maximenko@rambler.ru

Уважаемый Эдуард Иосифович!

На очередном заседании Клуба одесситов наш председатель, Левинсон Эмиль, рассказывал нам о постигшем его горе, смерти его супруги, и о том, как Вы помогли ему в это трудное для него время. Сочувствуя Эмилю, мы хотели бы поблагодарить Вас и Ваших помощников: Фонарева В.В., куратора Майю Васильевну и водителя Александра. Своим вниманием и чуткостью Вы старались переложить часть забот на свои плечи. Эмиль был тронут тем, как Вы незримо стояли за его спиной и делали все, что было в Ваших силах.

За заботу, оказанную поддержку и помощь еще раз хотим поблагодарить всех вас! Желаем Вам и Вашим помощникам здоровья и всего доброго.

Благодарные президеские одесситы.

Письмо зачитано на заседании клуба, и текст его принят единогласно.

etilic35@mail.ru

Добрый день!

Меня зовут Светлана. Обнаружив в интернете ваш сайт, я заинтересовалась очень сильно, так как я коренная одесситка. Но в данное время проживаю в Москве. Буду очень рада стать членом Всемирного клуба одесситов в Одессе! А также участвовать в жизни клуба в Москве.

Немного о себе:

Родилась в Одессе 14 августа 1985 года. Мои прабабушки, бабушки и мама — все родились в Одессе. Окончила Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, экономико-правовой факультет, специальность — юрист гражданского права. Сейчас в Москве, работаю в крупном холдинге помощником президента компании. Занимаюсь тем, что действительно нравится и что хорошо получается.

У меня замечательная семья, которая проживает в Одессе. Мама, старшая сестра, любимая бабушка. Очень люблю, горжусь и восхищаюсь нашим городом. Бывают моменты сильной ностальгии по друзьям, по семье, по родному городу. Каждый раз, когда я выхожу на перрон, то сразу чувствую мой родной запах, запах моря. Буду очень рада быть немного ближе к родному городу.

С нетерпением жду от вас ответа.

Светлана Новак

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:

www.odessitclub.org

Новый проект Всемирного клуба одесситов "ОНИ ОСТАВИЛИ СЛЕД В ИСТОРИИ ОДЕССЫ"

Таково рабочее название проекта, над которым сейчас работает Всемирный клуб одесситов (ВКО) совместно со студией компьютерного дизайна "Нулевой километр".

С нашим замыслом мы хотим познакомить читателей газеты.

Результатом работы станет CD-диск с электронным биографическим справочником людей, прославивших Одессу со времени ее основания и до сегодняшних дней. Тех, кого уже нет в живых, и чью значимость подтвердило время.

Даже сухой перечень выдающихся прозаиков и поэтов, художников и артистов, ученых и общественных деятелей, спортсменов и архитекторов, скульпторов и музыкантов, моряков и военачальников, родившихся в Одессе, работавших в нашем городе, впечатляет. Но нужно помнить, что слава Города создается не только самими знаменитыми

личностями, но и людьми, известность которых не простиралась за его пределы. Думается, что по этим прославленным именам Одесса окажется городом не менее ярким, чем Москва или Петербург.

Диск будет содержать свыше 1000 биографий. В настоящее время завершена работа над более чем двумястами текстами. Каждая биография занимает в среднем две электронные страницы с текстом и иллюстрациями. Материалы о художниках содержат по четыре репродукции их работ. Для удобства поиска электронный справочник снабжен алфавитным и тематическим указателями.

Авторы проекта: Л. Рукман — директор ВКО, А. Креймер — зам. директора ВКО, Л. Вагнер — директор студии "Нулевой километр". В составе редколлегии члены Всемирного клуба одесситов: писатели, краеведы, журналисты А. Бириштейн, А. Горбатюк, О. Губарь, Ф. Кохрихт, М. Пойзнер, А. Розенбойм.

Редактор проекта — вице-президент ВКО Е. Голубовский, журналист. Тексты биографий подготовлены сотрудниками Литературного музея, Историко-краеведческого музея, Национальной библиотеки им. М. Горького, Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, писателями, журналистами, потомками известных одесситов и т. д.

Закончить первую версию проекта (тысяча биографий) планируется ко Дню города 2 сентября 2010 года.

В дальнейшем проект будет дополняться новыми именами.

В настоящее время проект реализуется за счет средств Всемирного клуба одесситов и студии "Нулевой километр". Предполагается привлечение спонсоров. Ряд материалов в более полном объеме будет в дальнейшем размещаться на сайте Всемирного клуба одесситов в рубрике "Они оставили след в истории Одессы".

Леонид РУКМАН

Атлас Фелиция-Доротея Генриховна 1874 — не ранее 1929

Атлас Доротея Генриховна — краевед, педагог.

Родилась 15 января 1874 г. в семье австрийско-подданных иудейского вероисповедания. Начальное образование получила дома. В августе 1886 г. поступила в Мариинскую одесскую городскую общественную женскую гимназию, которую окончила в 1892 г. со званием домашней наставницы и с правом преподавать арифметику, историю и географию. 11 лет непрерывно преподавала в школах Одесского учебного округа. Отстаивала принципы гармонического воспитания, применения междисциплинарных связей. В 1903-1909 гг. училась на словесном отделении Одесских высших женских курсов, а с 1909 г. — на юридическом отделении, которое окончила в 1912 г. В 1917-1918 гг. возглавляла общество старых курсисток, организовывала публичные лекции. Главное влияние на формирование ее историографических интересов оказал профессор Иван Линниченко. После окончания учения Д. Атлас продолжала преподавать в гимназиях (в частности, в гимназии К. Пашковской), в 1911-1916 гг. принимала активное участие в работе Одесского биографического общества при Новороссийском университете (была членом ревизионной комиссии, читала доклады краеведческого и педагогического содержания). В 1913 г. она издала брошюру, в которой осуждала дело Бейлиса. Вместе с И. Линниченко разработала и популяризировала проект учреждения музея истории Одессы. В 1917 г. она была одним из популяризаторов идеи учреждения в Одессе Народного университета.

Приблизительно 35 работ Д. Атлас посвящены истории Одессы, России, проблемам педагогики и источниковедению. Одной из первых в Одессе она высказала инициативу необходимости введения преподавания краеведения в средней школе. В 1915-1916 гг. издала первый учебник для средних школ по истории Одессы, который отличался лаконичностью, доступностью, четкой и логичной структурой, иллюстративностью. Оригинальным был ее метод про-

ведения анкетирования среди учеников для выяснения уровня их знаний по истории Одессы. Ее работам по истории Одессы присущ художественный стиль изложения, внимание к народному быту и фольклору. Материалы по истории Одессы она часто популяризировала на страницах ведущих одесских газет "Одесские новости" и "Одесский листок". Стремилась не так к научности, как к воспитанию местного патриотизма. Это приводило к опрелделенной идеализации основателей города. Главная работа Д. Атлас "Старая Одесса, ее друзья и недруги" (1911) выдержала два переиздания в 1990-е — начале 2000-х гг., не считая многочисленных публикаций отрывков.

В 1920-е годы Д. Атлас была членом Одесской комиссии краеведения при Всеукраинской академии наук, планировала исследовать историю Молдаванки. Однако главным образом сосредоточилась на работе в трудовой школе и массовых библиотеках Одессы. В 1929 г. работала директором трудшколы № 65 на Госпитальной улице. Ее остро критиковали в прессе за стремление воспитывать у детей общечеловеческую мораль и уважение к классикам литературы. Возможно, в 1940-е годы погибла от рук фашистов в Одессе.

А.Е. МУЗЫЧКО,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Украины
ОНУ им. И.И. Мечникова

Ралли

Одной из известнейших семей Одессы была семья греческого происхождения Ралли, оставившая заметный след в истории города. Представители различных линий этой семьи основали торговые и банкирские дома во многих странах мира (Россия, Англия, Франция, Италия, Османская империя). Из всех членов рода, проживающих или ведущих в Одессе коммерческие дела (а таких было немало), наиболее прославился Степан Иванович Ралли (01.08.1821, Лондон — 28.08.1902, Одесса). Он был сыном Ивана (Джона, Джованни) Степановича Ралли (1785, Хиос — 1859, Париж) и Лукии Осиповны Сторни (1797-1873). И.С. Ралли был одесским купцом 1 гильдии, членом Одесского отделения коммерческого совета, основателем торговых домов в Лондоне "Ralli&Petrocochino" ("Ралли и Петрокино") в 1818 г. и "Ralli Brothers" ("Братья Ралли") в 1826 г., вице-консулом, затем консулом Американских Соединенных Штатов ("соединенных американских областей") в Одессе в 1832-1858 гг.

С.И. Ралли окончил курс в Парижском университете по юридическому факультету со степенью магистра в августе 1840 г. В 1841 г. вместе с родителями получил потомственное почетное гражданство, а в 1852 г. был возведен в потомственное почетное гражданство вместе со своей семьей. В декабре 1863 г. он был назначен старостой одесского купеческого сословия, в 1864 и 1865 гг. кратковременно исполнял обязанности одесского городского головы, в январе 1869 г. избран депутатом Одесского городского депутатского собрания, в феврале 1869 г. избран почетным мировым судьей. В декабре 1872 г. избран в почетные мировые судьи по Бендерскому уезду, в октябре 1880 г. избран в председатели Бендерского съезда мировых судей. 1 января 1881 г. высочайше пожалован кавалером ордена Св. Владимира 4 ст. с правом на потомственное дворянство. В ноябре 1881 г. был внесен с младшей дочерью Елизаветой в третью часть дворянской родословной книги Бессарабской губернии (позднее к дворянству были причислены и другие его дети). 22 августа 1884 г. С.И. Ралли был пожалован герб.

С.И. Ралли был одним из богатейших одесских жителей. Так, у него было восемь каменных домов в Одессе (большинство из которых находилось в центре города) и три имения в Херсонской, Бессарабской и Подольской губерниях, заключавших в себе 7300 десятин земли, а также огромная дача на Большом Фонтане.

В разные годы он был гласным одесской городской Думы, председателем правления Одесского почетного мирового судьи Одессы, председателем и членом совета одесского греческого благотворительного общества. С.И. Ралли был известен большой любовью к животным, в частности, к собакам. В 1863 г. он основал Одесское общество покровительства животных (состоявшее под августейшим покровительством великого князя Михаила Николаевича) и был избран его председателем, в каковой должности оставался долгие годы, жертвуя на нужды общества большие суммы (членами общества состояли его супруга и дети).

Первым браком С.И. Ралли был женат (1841 г.) на дочери одесского купца Елене Васильевне Янопуло (1822-1845), от брака с которой

имел двух сыновей: Ивана Степановича (6.07.1843, Ливорно, Великое герцогство Тосканское — 11.12.1870, Каир, Египет) и Александра Степановича Ралли (29.08.1844, Одесса — 25.05.1874, Ливорно), умерших неженатыми, вторым — на Марии Петровне Ипитис (Эпитич, Епити, Епитеч) (10.09.1829, Одесса — 17.10.1903, Канны, Приморские Альпы, Франция), дочери доктора, участника освободительного движения греков за независимость Петра Константиновича Ипитиса (1795-1861) и Елены Федоровны Серафино (ум. 1873). От второго брака С.И. Ралли имел детей: близнецов Петра (2.03.1851, Одесса — 4.03.1895, По, Франция) и Павла Степановичей (02.03.1851 — 16.02.1911, Санкт-Петербург), а также дочерей: Елену (23.05.1852, Одесса — 23.04.1923, Одесса (?)), в замужестве Андрееву, Лукию (13.12.1853, Одесса — 21.01.1894, там же), в замужестве Кумбари, Марию (11.01.1856, Одесса — 07.02.1927, По, Франция), в замужестве Языкову, Юлию (22.11.1858, Одесса — ?), в замужестве Мортон, Елизавету Степановну (13/26.12.1871, Одесса — 29.07.1965, Лозанна, Швейцария), в замужестве княжну Лобанову-Ростовскую.

Петр Степанович избрал военную карьеру (на момент кончины — отставной ротмистр лейб-гвардии Уланского его императорского высочества великого князя Николая Николаевича Старшего полка). Павел Степанович — чиновник, гласный городской Думы, член ряда благотворительных обществ, крупный землевладелец Юго-Западного края. Петр Степанович Ралли скончался бездетным, а у Павла Степановича от брака с Екатериной Юрьевной Тимченко (1861, Сызрань Симбирской губ. — 1929, Силезия (?)) была единственная дочь Мария (Магдалена) Павловна Ралли (1896-1921). Таким образом, дворянский род Ралли пресекся в 1921 г. В настоящее время потомки этого рода по женской линии (происходящие от Лукии Степановны Ралли), семья де Коцебу Вотье, проживают в Швейцарии. Глава этой семьи с супругой в 2005 г. посетил Одессу.

С.Г. РЕШЕТОВ,
член Русского генеалогического общества

Евгений ДЕМЕНОК

И ОДЕССЕ НУЖЕН ДЕТСКИЙ МУЗЕЙ

Одним из наиболее важных, актуальных и в то же время реальных проектов по развитию культуры и туризма в Одессе я считаю создание муниципального детского музея. Этот проект привлекателен и важен для большого количества одесситов и гостей города: детей от 3 до 15 лет (у нас их около 130 тысяч), их родителей, а также практически для всех приезжающих к нам туристов.

Основная отличительная черта детского музея — экспонаты в нем не только можно, но и нужно трогать. Основная цель — обучение через игру и собственный опыт. Детские музеи следуют детскому способу обучения, основанному на собственном опыте.

Бруклинский детский музей стал первым в мире музеем для детей (1899 г.). Сегодня в Америке около 200 детских музеев и, по заявлению идеологов и организаторов, в них сочетается радость игры с радостью познания окружающего мира. Детские музеи открыты в Канаде, Новой Зеландии, Австралии, Японии, во многих странах Европы. В Европе детские музеи стали распространяться позже, и они носят более естественнонаучный характер: Эврика в Вантаа, Город наук в Париже, Зум в Вене, Немецкий музей в Мюнхене, Универсум в Бремене, Детская церковь в Берлине, детский поселок в Дрезденском музее гигиены — вот их адреса. За два последних года открылись детские музеи в Таллинне, Амстердаме, Сеуле. Даже в Бишкеке уже есть детский музей. Здесь можно экспериментировать, трогать руками, проявлять и удовлетворять любопытство, работать в сотрудничестве с другими. Музейная педагогика стала частью повседневной жизни и культурным бизнесом во многих странах мира.

В Украине детских музеев нет, мы можем стать первыми. Можно выбрать свое основное направление: историко-краеведческое, естественнонаучное, творческо-игровое. Дети в игровой форме могут познакомиться с историей Причерноморья и жизнью народов, населявших наши земли с древности до наших дней; познавать окружающий мир с помощью физических и химических опытов; познавать организм человека, работу органов чувств; узнавать секреты живой природы; проявлять свои творческие способности в разнообразных группах и кружках.

Кроме того, в мире давно и широко практикуется открытие залов или отделений для детей во "взрослых" музеях — историко-краеведческих, художественных и т. д. Это может стать первым шагом к созданию детского музея.

В разных странах и городах финансирование детских музеев осуществляется по-разному. Как правило, это два варианта: государственное и/или муниципальное финансирование, или полностью спонсорские деньги. Чаще всего — микс двух вариантов. Вход в музеи платный, кружки и секции также платные, обычно продаются членские билеты на год, при музеях также работают кафе и магазины, где можно купить не только привычные игрушки, но и поделки, сделанные самими детьми — уникальные, единственные экземпляры. За счет всех этих источников в большей или меньшей степени наполняется бюджет музея. Спонсоры, как правило, финансируют отдельные направления работы музея — например, в чикагском детском музее Wall-mart профинансировано создание мини-супермаркета, в котором все, как в настоящем Wall-mart, только игровое; в Детском музее в Афинах создана комната шоколада, где можно познако-

миться с процессом его изготовления и даже сделать самому, — финансирует ее крупнейший производитель шоколада в Греции. Все остальное финансирует город или государство. Разнообразие видов деятельности позволяет детским музеям зарабатывать зачастую больше, чем большинству "взрослых".

Экспозиции детских музеев очень разнообразны, но можно выделить следующие основные направления: историко-краеведческое, естественнонаучное, культура и искусство. В канадском детском музее, который находится в Оттаве, экспозиция выстроена в виде лабиринта и имеет ту особенность, что предметы в ней изготовлены в наше время. Там есть классическое индонезийское жилище, где показывают неизменный для этой культуры театр теней. В египетском зале выставлены макеты пирамид, и посетителям позволяют сыграть в мумию; в голландском — стать портовыми грузчиками, а итальянский и вовсе представляет собой кафе-мороженое, где экскурсанты становятся кто посетителем, кто официантом. При этом поблизости находятся залы для взрослых, которые могут оставить своих детей в детском музее на любое по продолжительности время, хоть до самого закрытия.

В детском музее Челябинска проводятся выставки, знакомящие посетителей с культурой, бытом и традициями народов разных стран. Например, в рамках выставки "Сказочная Индия" посетители могли узнать о природных особенностях, религиозном многообразии Индии, классическом индийском танце, традиционной одежде. На выставке можно было увидеть убранство индийского дома — мебель, посуду, игрушки, музыкальные инструменты. Кроме традиционных экскурсий проводились театрализованные представления, показ слайд-шоу, демонстрация популярных индийских фильмов и киносказок.

Основная цель экспозиции Детского музея Амстердама — приобщение подрастающего поколения к культуре, искусству и литературе разных стран мира. Инициаторами его создания стали родители, учителя и деятели искусства. В одном из помещений музея создана так называемая "Книжная страна", в которой дети смогут познакомиться с персонажами сказок разных народов.

Во всех детских музеях обучение сочетается с игрой, это обязательное условие — именно тогда оно наиболее эффективно. Таких музеев, а лучше называть их музеями-мастерскими, вообще нет в Украине и практически нет в России. Они предлагают своим маленьким посетителям самостоятельно изучить, пощупать, попробовать и обязательно что-нибудь сделать собственными руками. Например, берлинский детский музей "Лабиринт" решил заинтересовать своей уникальной программой детей от 3 до 10 лет, неохотно идущих в школу или детский сад и отлынивающих от выполнения домашних заданий, основными школьными предметами. Десять тематических игровых станций, среди которых чтение, грамматика, математика, письмо, конструирование и правила дорожного движения, являются частями своеобразного путешествия по школьным джунглям. Арифметические задачки, ребусы, головоломки, шарады и даже костюмированные представления делают школьные предметы интереснее, а также учат не бояться ошибок, ведь игру всегда можно начать сначала.

Гамбургский музей "Клик" своей основной задачей считает знакомство маленьких посетителей с челове-

ческим организмом. Все дети непременно хотят знать, сколько у человека костей, как читают слепые люди, откуда берутся дети и как добывали огонь древние люди. Не каждый взрослый находит достаточно времени и сил, чтобы подробно и доступно ответить ребенку на все эти вопросы. Гуляя по различным секциям, дети узнают, как устроен человеческий организм, что такое чувство равновесия и какие виды памяти существуют. Они могут не только разобрать и собрать муляжи глаза и уха, но и постараться запомнить язык жестов, а также попытаться прочитать и написать несколько слов по системе Брайля. Особенной популярностью в этом музее пользуется детская "Строительная площадка", расположенная на открытом воздухе. Здесь можно делать кирпичи и замешивать настоящий строительный раствор, возводить стены и класть плитку.

Курс начинающего шоколадье, основы птицеводства, работу в фарфоровой мастерской и разные другие интересные программы предлагает детский берлинский музей-мастерская "Делаем вместе!". Маленьких посетителей ожидает работа в миниатюрной шоколадной фабрике, где можно приготовить лакомство своими руками, или раскрашивание фарфоровых фигурок и посуды. Можно послушать лекцию о том, как из яйца получается цыпленок, или напечатать поздравительные открытки в настоящей типографии.

В мире есть музеи для начинающих музыкантов, кулинаров, художников, Детские археологические музеи, музеи детской книги и многие другие. Почти всегда в музеях есть уголки для игры в магазин, почту, пожарную часть, ферму, кафе, рынок, больницу для кукол и мишек. Во многих музеях есть компьютерные лаборатории, кукольные театры, помещения для игр с песком и водой, лабиринты, миниатюрные стройплощадки, многочисленные приспособления, объясняющие физические и химические процессы и явления.

Музеи игрушек являются разновидностью детских музеев. Их существует великое множество, создают их энтузиасты своего дела, через всю жизнь пронесшие увлечение игрушками и убежденные в том, что именно игры и игрушки являются первыми шагами познания окружающего мира для маленького человека. В городах-побратимах Одессы есть музеи игрушек. В Стамбуле такой музей основал поэт и писатель Сунай Акын. Он собрал в одном историческом особняке района Гезтепе четыре тысячи игрушек со всего мира, изготовленных с конца 1800-х по 1980-е годы. Музей, который знакомит маленьких посетителей с прошлым и прививает им любовь к истории, является своего рода "машиной времени" и для взрослых посетителей.

Санкт-петербургский музей игрушки — первый негосударственный музей Санкт-Петербурга, член Союза музеев России, основан в 1997 году. Музей собирает, хранит, реставрирует, экспонирует и изучает игрушки как особую область искусства, в которой сплетаются древние национальные традиции и самые современные художественные тенденции. Его существование поддерживается пожертвованиями компаний-учредителей и физических лиц. Сегодня коллекция музея насчитывает более 7000 единиц хранения. Фонд авторской игрушки насчитывает более 500 произведений российских и зарубежных художников.

Детские музеи очень различны по размерам и способам организации музейного пространства. Как правило, детский музей предполагает большой формат. В Детском музее Балтимора четыре этажа, в Чикаго — три, общей площадью несколько тысяч квадратных метров, с зимним садом и множеством помещений. Одна только водочка, полностью имитирующая настоящую, занимает помещение около 200 кв. метров. Во многих музеях крытые помещения соседствуют с экспозицией и аттракционами на открытом воздухе. В одном из парков Нюрнберга у реки построена детская деревня, где в закрытых корпусах можно изучить физические и химические явления, самому поставить опыты, а снаружи поиграть у ручья, переправиться на плоту через речку, изучив свойства течения, испечь хлеб в "африканской деревне", камнями измельчить зерна, и даже сделать арахисовое масло. Кстати, в Детском музее Ноябрьска, который в Тюменской области, тоже необычно организована площадь музея, она состоит из двух экспозиционно-адаптационных пространств: Хобби-центра и Эко-сада, и только затем посетители попадают в экспозиционно-выставочное пространство, где знакомятся с действующими выставками. А итогом путешествия по музею являются творческие занятия в Твор-Дворе, творческой мастерской музея.

Многие европейские музеи более камерны по сравнению с американскими, однако и они совсем не малы. В Афинах музей четырехэтажный, в Будапеште для него отвели большой корпус бывшего завода, расположенный в центре города, близ площади Москвы.

Есть более специализированные музеи, которые не требуют особенно большой площади, зато необычно организованы внутри. Например, немецкий Детский музей здоровья занимает территорию размером приблизительно 500 квадратных метров. Дети и их родители, а также друзья и учителя, могут познавать и экспериментировать — слушать, видеть, трогать, нюхать и пробовать на вкус. Музей следует детскому способу обучения, основанному на собственном опыте. Прикасаются, пробуют, участвуют, размышляют во время выставки не только можно, но и нужно! Большой "Туннель чувств" проходит через все секции выставки. Он демонстрирует взаимосвязь между внутренним и внешним миром, которая позволяет нашим чувствам функционировать. Внутри туннеля все тело посетителя становится как бы органом восприятия, который реагирует на различные материалы, показывающие многообразие этого мира. Внешняя стена туннеля выглядит, как увеличенные органы чувств, и служит ориентиром для посетителей. На другой стороне туннеля проводятся интерактивные игры для разных возрастных групп. В центре каждой секции есть большая площадка. Например, в секции, посвященной зрительному восприятию, есть комната с зеркалами, в которых посетители могут увидеть себя с необычных и привычных перспектив, причудливо или обычно одетых. В секции, посвященной слуховому восприятию, есть лабиринт звуков, где посетители угадывают тональности, звуки и созвучия. Часть осязательной секции составляют "темные комнаты", где посетители на ощупь познают неведомые миры. Зона вкуса и запаха преподносит сюрпризы в виде различных ароматов.

Во многих музеях мира большое внимание уделяется именно мест-

ной специфике. Так, в Сеульском музее сегодня открыты две экспозиции. Одна посвящена героине корейской средневековой повести, девушке по имени Симчхон, которая пожертвовала собой ради здоровья отца. Другая экспозиция переносит нас в обстановку традиционных корейских города и деревни 60-70-х годов прошлого столетия. В Детском музее Лондона проводятся интерактивные игры для детей и взрослых, погружающие в историческую реальность Англии прошлых веков: например, во время повествования о детском труде в шахтах предлагается побывать в искусственно созданном забое, при погружении в школьную атмосферу викторианской эпохи — исполнить роль учеников. Целых восемь залов выделено под такие рассказы-представления.

В Челябинске Детский музей открыт в 2006 году на базе областного краеведческого музея. Историю Южного Урала со времен заселения первобытными охотниками до начала XX века "рассказывают" подлинники музейные экспонаты. Композиции челябинских художников помогают воссоздать историю края в образной форме. В выставочном зале детского музея проходят сменные выставки. Разработаны музейные образовательные программы для школьников — то, чего у нас нет и в помине. Ежегодно проходят совместные с Челябинским университетом этнографические экспедиции. На базе Детского музея проводятся конференции и конкурсы для учащихся, занимающихся учебно-исследовательской деятельностью.

В американском Нью-Хэйвене (городе, где находится Йельский университет) есть прекрасный детский музей. Самая интересная экспозиция в нем — комната с разворота книжки "Good Night Moon" (одна из самых любимых детских книжек во всем мире). Все дети видели эту комнату в книжке, но не знали, где она находится, а попадая в эту комнату, они оказываются в своей любимой сказке. Почему бы нам не сделать "Комнату Трех толстяков" — по всем известной и любимой сказке нашего земляка Юрия Карловича Олеши?

Наиболее реальным первым шагом к созданию комплексного Детского музея в Одессе я считаю создание "детских" отделов в музеях города, — в первую очередь, в Историко-краеведческом, Художественном и Литературном. Ведь музеи нужны детям ничуть не меньше, чем взрослым. Для европейских школьников урок в музее — привычная реальность. Для наших — редкое исключение. Я считаю это совершенно неправильным. Руководитель Детского музея в Сеуле на вопрос о причинах создания такого музея ответил, что в традиционных музеях более 30 процентов посетителей — это дети, и пришла пора сделать музей специально для них. У нас ведь то же самое. Приток маленьких посетителей даст новый толчок развитию музейного дела, и они из затхлых сборищ старины превратятся в живые и нужные учреждения. А через несколько лет работы таких отделов на основе полученного опыта и совершенных ошибок можно будет разрабатывать проект создания отдельного музея. Именно по такому пути пошли в России — Детский музей г. Ноябрьска основан на коллекционной базе существовавшего с 1983 г. местного краеведческого музея и стал первым самостоятельным детским внешкольным образовательным учреждением в России, получившим официальный статус — детский музей.

И в заключение несколько слов об отношении к детским музеям в странах, которые мы по привычке называем развитыми. Руководителем чикагского Детского музея, четвертого по величине в Соединенных Штатах, является Джин, или Джи-Джи Притцкер. Она является членом одной из самых богатых американских семей, имеет собственную киностудию. Джин Притцкер — талантливый кинорежиссер. Окончила ни много ни мало — Стэнфорд. Семейство Притцкер владеет одной из самых крупных международных сетей отелей — сети "Hyatt". В рейтинге журнала "Форбс" Джин Притцкер занимает 503 место, ее состояние оценивается в 2,4 миллиарда долларов. Интересно, занимался бы у нас человек с таким состоянием детьми и музеями?

В ноябре 2009 года Феликсу Давидовичу Кохрихту исполняется 70 лет. Всемирный клуб одесситов, редакция нашей газеты поздравляет его с этим замечательным юбилеем!

Энергии, организаторским способностям, журналистскому таланту Феликса Кохрихта мы обязаны тем, что вот уже десять лет выходит альманах "Дерибасовская — Ришельевская", ставший центром притяжения краеведов и историков, художников и поэтов, публицистов и музейщиков, а точнее — интеллигенции нашего города. А сколько выставочных, музыкальных проектов осуществлено по его инициативе!

Желаем Феликсу Давидовичу еще много лет столь же плодотворно трудиться во имя культуры нашего города!

Публикуем новую статью Феликса Кохрихта, специально написанную для нашей газеты.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Мой прадед самых честных правил...

Что я знал о нем еще лет двадцать назад? Только то, что отец — Давид Израилевич Кохрихт — рассказывал мне в детстве, а он был скуп на семейные воспоминания. В послевоенные годы — в преддверии и предчувствии "дела врачей" (речь, разумеется, идет не о профессиях, а о национальности и происхождении), он полагал, что чем меньше я буду знать о своих богатых предках, тем спокойнее мне будет житься... У него были на то все основания — собственная судьба.

Отпрыск рода известных одесских ювелиров, он, один из наследников семейного Дела, предпочел учебу за границей участие в первой мировой войне. Рослый еврейский юноша прибавил себе два года и отправился на фронт, где заслужил два Георгиевских креста, две таких же медали и чин унтер-офицера. Был тяжело контужен, отправлен в московский госпиталь, где его распропагандировали большевики. В Одессу вернулся в 1919 году — в солдатской шинели с красным бантом и в темных очках — восстанавливал зрение. Своих родичей не застал — они совсем недавно уехали во Францию...

Так образовались две ветви рода Кохрихтов — одесская и парижская, которые нынче представляю я, моя племянница Нина (живет в Израиле) и моя троюродная сестра Тамара. К ней я еще вернусь, а пока отправимся в 20-е годы, когда отец — один из руководителей городской милиции — сражался с бандитами, дружил со знаменитыми сыскарями, — некоторых из них я знал спустя многие годы... Разумеется, в советское время переписка между родственниками была невозможна, и мы не знали друг о друге ничего. До тех пор, пока несколько лет назад Тамара не разыскала меня на сайте Всемирного клуба одесситов и альманаха "Дерибасовская — Ришельевская".

Большую часть жизни я практически ничего не ведал о своих предках. Да и откуда мне было знать о них, если все документы и семейные фотографии погибли

во время войны. Из квартиры на Софиевской, 13, летом 1941 года ушли на фронт отец (его вскоре комиссовали — сказались старые раны и контузия) и старший брат Абрам, ставший офицером-орденоносцем... Да и родители, как я уже говорил, практически ничего мне не рассказывали.

Но вот в конце 70-х товарищ — архитектор Евгений Оленин, готовивший свой "Проект-Одесса", нашел в старых газетах рекламу "Депозитов, бриллиантовых, золотых и серебряных вещей И.Я. Кохрихта в Одессе". Был и адрес — Дерибасовская, дом Вагнера. Я сразу же вспомнил, что отец называл мне этот известный дом — там находился главный ювелирный магазин прадеда, а в дворовом флигеле жила его большая семья, в которую осиротевшего внука Давида взяли после смерти отца — одного из сыновей Исаака Яковлевича. Израиль Кохрихт умер совсем молодым, а вскоре безвременно ушел из жизни и его брат Яков, дед Тамары...

О многом и важном я узнал совсем недавно благодаря изысканиям друзей — писателей и краеведов Ростислава Александрова и Олега Губаря. Буквально несколько дней назад Ростислав сообщил мне дату открытия этого самого бриллиантового Депо — 7 февраля 1889 года. Нынче нашей фирме было бы уже 120 лет — для Одессы срок немалый... Но еще раньше, как выяснилось, Кохрихты владели харчевнями (родоначальники одесского общепита) в разных районах города, в том числе и в престижнейшем доме Попудова на Соборной площади. К началу 20 века был широко известен и магазин в "Пассаже" — здесь во время войны чуть ли не первыми в России господам офицерам предлагали специальные водонепроницаемые часы...

Валерий Хаит разыскал и подарил мне шуточные куплеты о магазинах Кохрихтов — их распевали популярные тогда Зингерталя и его соратники по эстраднему искусству. Редактор журнала "Фаво-

рит" Галина Владимирская презентовала миниатюрную изящную коробочку из-под кольца, а университетская коллега жены Людмила Луговская — вилку с клеймом фирмы. Но самым весомым и ценным обретением стали каминные часы середины 19 века с надписью на циферблате "J. Kochricht". Их принесли в галерею "Либерти", и ее куратор Аня Голубовская тут же позвала меня... Теперь они украшают нашу квартиру, а их бой уносит нас в старую Одессу. Знаменательно: двери галереи выходят на ворота Дома Вагнера со стороны Ланжероновской, где когда-то был магазин, в витрине которой эти часы стояли...

Но вернемся к Тамаре Кохрихт — троюродной сестре, с которой нам еще предстоит увидеться. И она буквально по крупицам собирает факты истории семьи. Наши судьбы, к сожалению, на удивление схожи. Хотя парижские Кохрихты и избежали ужасов гражданской войны и сталинского режима, огромные утраты они, как и мы, понесли в годы второй мировой — Великой Отечественной войны и Холокоста.

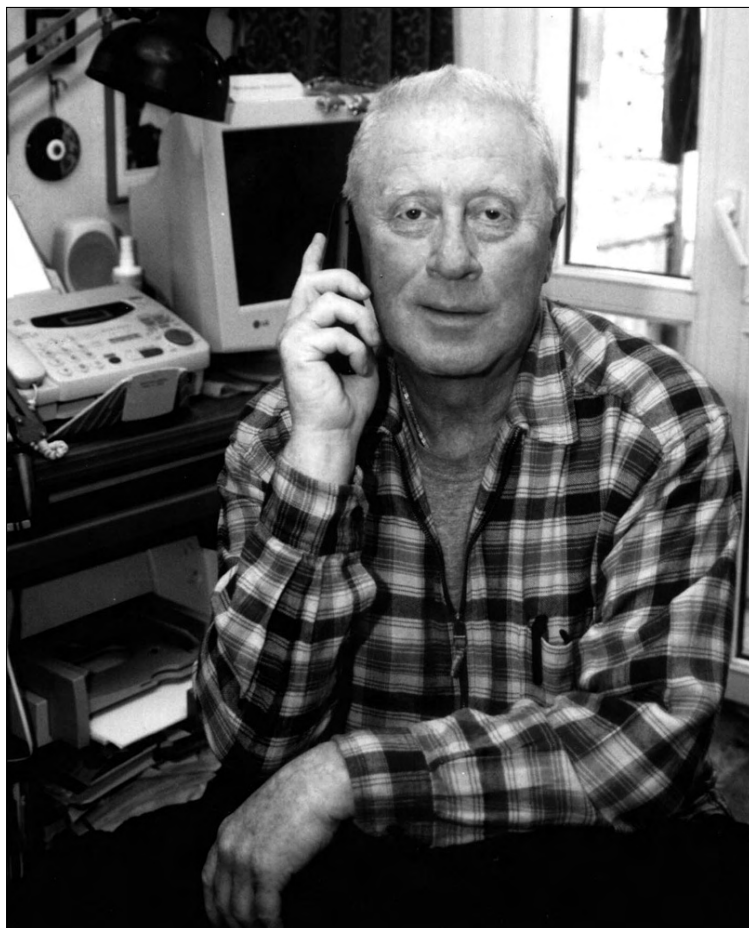
Поразительно схожи стали судьбы наших бабушек по отцовским линиям.

Мою — Екатерину, вдову купеческого сына Израйля Кохрихта, зимой 1941 г. выдал дворник, а затем румынские фашисты и их пособники облили ее водой, и она превратилась в ледяную статую на углу Софиевской и Торговой...

Софью Кохрихт, вдову купца первой гильдии Якова Кохрихта, в 1944 году гестапо арестовало в Париже, и она вскоре приняла смерть в концлагере...

Погибли на фронте, стали жертвами бомбежек, болезней, мучениками Холокоста десятки наших родственников.

Многие из них в далеком 1913 году наверняка провозжали в последний путь главу семейства — купца первой гильдии Исаака Яковлевича Кохрихта, скончавшегося 68 лет отроду. Газета "Одес-

ские новости" 20 августа опубликовала несколько траурных сообщений, из которых явствует, что за гробом шли "удрученные горем жена (моя прабабушка Лея), сын, дочери, зятья, внуки и внучки", а также коллеги — прадед был основателем Общества взаимопомощи ювелиров, часовщиков и гравиров. Были на похоронах своего многолетнего старости и прихожане Молитвенного дома Мелехед Зуов...

Последний адрес прадеда — Екатерининская, 36. Во время войны дом был разрушен, сохранились лишь два флигеля во дворе. Похоронили его на Новом втором еврейском кладбище, на месте которого — сквер.

Среди внуков в тот одесский августовский день наверняка был и мой юный отец. Пройдет год, начнется первая мировая, а вскоре за ней — и вторая...

Почему же я вынес в заголовок этих заметок пусть переименованную, но все же Пушкинскую, да еще — онегинскую строку? Полагаю, что молодой ссыльный поэт вполне мог не только вкушать изысканные яства в ресторане Отона, но и наслаждаться одесской кухней в харчевнях Кохрихта. Кроме того, прадед был натурой не только энергичной и предприимчивой, но и человеком отзывчивым. Он жертвовал на нужды санатория "Эзрас-Хойлим", где лечились и бедняки, откликнулся на призыв основателя сионизма Теодора Герцля и внес средства на покупку земель в Палестине.

Олег Губарь нашел купца Исаака Кохрихта в списке одесситов, внесших деньги на создание в Одессе памятника Пушкину.

Когда я набирал на компьютере эти заметки, позвонил Ростислав Александров и сообщил, что только что нашел в архиве очередную запись — о рождении у Исаака и Леи Кохрихт дочери Марии 19 мая 1882 года — нашей с Тамарой двоюродной бабушки, о которой ни я, ни моя парижская кузина, ни моя израильская племянница еще сегодня ничего не знали...

Феликс КОХРИХТ

Александр РАПОПОРТ Слово о Вороне

Разговаривая прозой, был я здравый и тверезый. Отключив компьютер в полночь, помню, вышел на балкон, на балкон я только вышел — а живу под самой крышей — звук отчетливый услышал с этим ритмом в унисон, телеграфный, неурочный, словно правом наделен полуночный почтальон.

В черной форме порученец, пунктуальный, точно немец, гробовщик из фирмы "Liebe", либо просто из SS, Мефистофелю приятель, ворон, ты стучишь, как дятел, или ты под старость спятил? Ты разбудишь весь подъезд, всех, кто видит сны воочью, воспарив от бранных мест, вдов, молодок и невест.

Говорю ему: "О, дерзкий! У тебя характер мерзкий, появление черной птицы — несомненный знак беды, но бояться нет причины, сложим мы с тобой секстины для Елены и Элины, подберем, глядишь, лады, без туфты и тавтологий, без повторов и воды, нам приметы — до балды".

Оценив мое вступленье, отряхнул он оперенье, соскочил с перил проворно, важно в комнату вступил

и взлетел на бюст у входа выкреста и сумасброда, чьи стихи из уст народа слышать больше нету сил. Сохранив невозмутимость, "Как зовут Вас?" — я спросил. — Гурнышт!** — ворон возгласил.

Вижу, гость попался редкий. — Где, в какой сидел ты клетке?

Был удачлив твой хозяин, если часто повторял это умершее слово, что явилось из Былого, признаюсь, услышать снова звуки эти я не ждал. Расскажи, перед кончиной что тебе он прошептал? — Гурнышт! — ворон проорал.

И значенье, и звучанье — как от дяди завещанье. Что ты знаешь, старый ворон, но не хочешь объяснить? что ты помнишь, что ты значишь, в снах моих зачем маячишь, черным маятником скачешь, не по летам эта прыть... Поделись же, мудрый ворон, растолкуй, как дальше быть. Гурнышт, укажи мне нить.

Кем ты послан, мрачный ворон? Теми ли, кто был прикован к штетлу*** своему и быту, облику и языку,

кто судьбу не объегорил, как удачливый Егорий, чье разлившееся горе не уложится в строку, и о ком тебе досталось крикнуть, сидя наверху, "Гурнышт!", словно петуху.

Ну а Тот, Кто правит нами, не ведет ли к новой яме? Все обеты позабыты, упований больше нет, льдом затягивает лужи, а затем приходит стужа и оковывает души. Он король или валет? Отвечай, что он за карта: туз, король или валет? — Эр из гурнышт,**** — был ответ.

— Ворон, судя по ответам, ты в разладе с целым светом. Кроме правил отрицанья, ты не знаешь ничего. Перед тем как подытожить, все готов на нуль умножить, все реально уничтожить, непонятно для чего. Неужели мудрость в этом, квинтэссенция всего в "гурнышт", слове "ничего"?

Гость, хотя не подал виду, затаил в душе обиду, на вопрос не отвечает, чистит клюв и воду пьет. Говорю: "Дай дверь прикрою, голова как с перепоем от общения с тобой, что за дикий переплет?" И заметил он надменно, глядя вдаль, вверх, вперед: "Гурнышт, голова пройдет..."

* Liebe [либэ] (нем.) — любовь
** Гурнышт (идиш) — ничто, или ничего
*** Штетл (идиш) — местечко
**** Эр из гурнышт (идиш) — "Он — пустое место"

БОЛЬШИЕ ПОЖАРЫ

29 октября горел дом Русова.

Потом сотни людей в течение двух суток приходили на Соборную площадь, кто из праздного любопытства, таких явно было меньше, кто в отчаянии, что на глазах гибнет старая Одесса, таких было большинство.

А я вспоминал, как свечой в 70-е годы горела кирха, на восстановление которой деньги собирали всем городом. Вспоминал, как горело здание прокуратуры на Пушкинской и Музей морского флота на Ланжероновской. Жилые дома у Привоза...

"Большие пожары". Так назвали коллективный детективный роман 25 лучших советских писателей в 1927 году, опубликовав его в "Огоньке". Я переиздал этот роман пять лет тому назад и не думал, что вернусь к большим пожарам. Время заставило.

Исаак Бабель в своей главе "Больших пожаров" не повторил историю о том, как и почему горел участок в Одессе... Уже наступили другие времена, и в годы нэпа, даже на его исходе, как и сегодня, все чаще нужны были не архитектурные памятники, а площадки под застройку. Но в романе 25-ти авторов действие происходило в вымышленном Златогорске, а сейчас 2009 год. Одесса...

Чем был для города дом Русова? Памятью о меценате Александре Русове, владельце нескольких домов, заказывавшем их лучшим архитекторам, создавшем потрясающую общедоступную картинную галерею. Галерея после революции была частично национализирована, а частично просто разграблена комиссарами. Памятью о двух прекрасных архитекторах Валерьяне Шмидте и Леониде Чернигове, завершившим ансамбль Соборной площади. Памятью об аптеке Антона Гаевского, которая могла бы стать музеем-аптекой, к чему стремилась ее директор Нелли Калестру. Аптека Гаевского оставалась единственной в городе классической аптекой, заполненной не только патентованными средствами, но имевшей рецептурный отдел, где готовились опять же классические, с детства знакомые лекарства.

Не хочу подменять следствие, делать предположения об умышленном поджоге или бесчинстве наркоманов, облюбовавших чердак. Убежден лишь, что двадцать последних лет этот дом по вине властей всех уровней на глазах у всего города разрушался настолько, что его трагический конец был неизбежен.

Пожар в Одессе больше чем пожар. Он объединил людей. По инициативе неравнодушных горожан начался сбор денег на восстановление дома. Вот уже и горисполком подхватил эту инициативу, тоже призвав к сбору денег. Но трезво оценивая состояние дома, прикидывая, сколько должна стоить реставрация и сколько могут собрать одесситы, нужно понимать, что надежда на восстановление дома Русова есть, но только в том случае, если областной и городской бюджет, и государственный выделят реальные деньги. И тогда будем заказывать памятную табличку:

Дом Русова построен в 1897 году. Горел 29 октября 2009 года. Реставрирован в — ???.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Фото Евгения ВОЛОКИНА

Последнее время меня преследует навязчивая мысль — все, о чем я писал или рассказывал... было в прошлом веке.

Вообще-то, с природной точки зрения, это нормально, а с другой, не укладывается в голове — живу в двух столетиях.

Но я благодарен судьбе за прошлое — именно то прошлое сделало меня таким, кем я есть сегодня.

Те далекие уже годы остались для меня навсегда близкими. Писать, в основном, я стал в новом веке. Слово "писать" как писатель, каким меня называют, для меня весьма нескромно, по мне ближе слово "рассказчик". Для этого вначале надо было наблюдать и запоминать, что я всю жизнь и делал. Всегда я следовал древнему штурманскому правилу: "Пишем то, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, того и не пишем". Поэтому я и пользуюсь для рассказов теми действительными случаями, которые происходили со мной в моей жизни. Иногда сюжет мне подсказывают сохранившиеся предметы, и тогда из цепкой памяти всплывает все интересное, связанное с этим. Вот и сейчас я обнаружил старый японский брелок "нэцке" — толстопузый бородатый мужичок с огромной головой, со свитком и книгой в руках и иероглифом "катами" — память. Эту крохотную фигурку мне подарили в первое посещение Японии в порту Кобэ. Нэцке (netsuke) — это крохотные ручной резьбы фигурки из слоновой кости, изображающие разных божков, выдуманных людей или животных. Все фигурки имеют эффект "кривого зеркала" — части тела непропорциональны. Дорогие нэцке сделаны из слоновой кости, подешевле — из самшита или черного дерева. Потихоньку я их стал собирать, и с годами собрал неплохую коллекцию. Но с одной из фигурок, вернее, фигурой в человеческий рост, я проплавал несколько лет вместе в одной каюте.

А дело было так. После празднования десятилетия моей капитанской должности мне предложили контракт на чешский пароход. Я очень удивился — ведь Чехословакия сухопутная страна, и какое она имеет отношение к мореплаванию? Оказывается, имеет. Морские перевозки очень выгодная отрасль в экономике, и чехи создали свою контору в Гамбурге, купив по дешевке с десятков старых пароходов. А так как у них своих морских кадров не было, они контрактировали специалистов через разные судоходные компании. Так я попал на старый грузовой пароход "Республика", построенный в Японии, плававший у китайцев и перекупленный чехами. И было это в прошлом веке, в конце шестидесятых. В Москве я получил гражданский загранпаспорт, в Праге взамен советского получил гражданский Чехословакии и в Гамбурге взамен последнего — паспорт моряка "Чеховфрахта".

Для несведущих поясню: каждый моряк любой страны имеет паспорт моряка — seaman's book — единый международный документ, дающий право его владельцу беспрепятственно посещать любые порты мира. Паспорт моряка выдается капитаном порта взамен общегражданского по специальному письму судоходной компании. Пока я оформлял все документы, наступил вечер, и на пароход я попал затемно. "Республика" стояла в районе Рипербана и заканчивала погрузку. Прежде чем подниматься на борт, я прошелся по причалу вдоль борта, с носа до кормы, осмотреть свое будущее владение. Это был обычный "фрахтер", то есть классический четырехтрюмный грузовик на

десять тысяч тонн груза с надстройкой посреди корпуса.

Матрос-поляк провел меня в каюту капитана. В приемной меня встретил маленького роста китаец с замотанной толстым шарфом шеей и осипшим голосом. Его английский был такой, как мой китайский. Я с трудом разобрал, что он передал этот пароход из Дайрена и что раньше он назывался "Мацзу" в честь богини морей. Он на этом пароходе четыре года, но китайская компания продала этот пароход чехам. Он сделал несколько рейсов, но эта холодная Балтика не для него, он часто болеет, и к тому же весь китайский экипаж списался и заменен европейцами, но самое важное — ушел повар-китаец. Капитана звали Чжу-Чен.

Он еще долго щебетал на смеси английского с китайским. Я попросил у него судовую роль, чтобы посмотреть список экипажа. Такого интернационала я себе не представлял. Рядовой состав еще куда ни шло — матросы и мотористы, — в основном, поляки и югославы. А вот комсостав — сборная Европы: старший помощник — норвежец Иельсен, второй, он же грузовой помощник — швед Бергенсон, третий штурманский — немец Виттгофт, четвертый — огненно-рыжий по-

Буксиры вывели "Республику" на середину Эльбы и мы последовали на выход в Северное море. Через пару часов вышли в открытое море и взяли курс на Ламанш. Начались обычные морские будни, как и на десятках других кораблей. Слегка покачивало. Я спустился в каюту и услышал странный мелодичный звон, исходивший из чрева статуи. Кроме этого, Будда в такт качке покачивал головой и водил глазами. Его фарфоровое лицо было как живое, одежда и детали были так тщательно выполнены, что пуговицы и нитки казались реальными, а руки с прожилками казались теплыми. Я нахлобучил на него свою фуражку и накиннул на него пальто. Звон немного затих, но в такт качке продолжался.

Я отворил дверь спальни и обомлел — никакой мебели, вместо кровати одна циновка, куча подушечек и синее фланельное одеяло. Туалет вообще был азиатского типа, без унитаза. Вот это я попал! Пошел спать в приемную на диван, но сон уже улетел. Я отправил срочное радио судовладельцу о своих претензиях. Про Будду я молчал — хрен с ним, пусть стоит в приемной, в спальне его не слышно, да и я тоже как моряк суеверен.

и их можно было брать в рейс до следующего порта. У нас в Союзе такого не было. Когда на второй год своего контракта я написал и отправил через консульство письмо в Москву, то меня раздумили, что советским законодательством выезд жен моряков за границу не предусмотрен, и советуем по этому вопросу прекратить переписку. Но записку я Будде бросил.

Помогли мне судовладельцы "Чеховфрахта". Они прислали моей жене приглашение посетить Прагу, через ОВИР Мурманска она получила загранпаспорт, а в Праге ей сделали чешский паспорт, и она прилетела в Лиссабон. Ну, как тут было не вспомнить капитана Чжу-Чена!

Когда жена увидела Будду, то сначала обомлела, потом всплеснула руками, и он тоже радостно закачал головой. Ее восхищению не было предела. Она немедленно потребовала снять с его головы мою фуражку. "Разве ему здесь место?" — говорила она. — Его надо вынести на всенародное обозрение и подарить ленинградскому Эрмитажу, это же шедевр восточного фарфора". Но я ей повторил всю историю, которую мне поведал китайский капитан. В заключение я заметил, что чтобы снять Будду

тан глупо улыбался. Выпить я им не предложил. "А это что еще за чудische? — спросил помполит, увидев Будду. — Сувенир для мурманского музея или начальству за выгодный рейс?" — "Если хотите — заберите его себе, — сказал я, — по инвентарной книге он нигде не числится, как и спальня гарнитур, и оставлен мне старым капитаном".

К концу дня, сдав дела новому капитану, я уехал в гостиницу, где устроил прощальный ужин своему экипажу. Мы очень тепло попрощались, сделав фотографии на память.

Через несколько дней мне понадобились копии некоторых документов. Я приехал в порт. "Республика" стояла у заводского причала, высоко задрал свой пустой корпус. Матрос на подвеске подкрашивал название, под которым проглядывали старые иероглифы. Вахтенный, хорошо пахнувший сивухой, провел меня к капитану. В каюте стоял мат и шум. Несколько судовых "умельцев" стаскивали с поста-мента Будду. Пол был разобран, мастика выбита, оголились ступни Будды на массивных болтах, приваренных к огромной металлической тарелке на стальной палубе. Глаза Будды провалились — видимо, сначала пытались снять с шарнира голову, и сломали, голова перекосилась и не качалась.

"Зачем же вы так, — сказал я капитану, — ведь это варварство, неужели нельзя было пригласить толковых специалистов?" — "Пожалуйста, не вмешивайтесь, здесь команду я, — оборвал меня капитан. — Забирайте ваши копии — и вы свободны". В это время принесли горелку, чтобы срезать болты. Меня охватила ужас — ведь нагрев металла фарфора не выдержит. Так оно и случилось: с треском по колесу отвалились ноги Будды, рассыпавшись на сотни кусочков, и он повис на привязанных канатах. Из туловища высыпались дюжина колокольчиков, куча сложенных записок и обломок маятника. "Умельцы" гоготали. У меня было ощущение присутствия на средневековой публичной казни живого человека.

— Кретины, — громко сказал я и, хлопнув дверью, покинул пароход.

Весь день меня преследовал Будда с перекошенной головой и пустой глазницей. Вечером я улетел домой в заснеженный Мурманск.

На вопрос жены, как там Будда, я махнул рукой и долго об этом не рассказывал. Ну кто поверит, что среди моряков-балтийцев были такие варвары, да еще под руководством капитана?

Прошел месяц — и вдруг меня вызывают в службу безопасности мореплавания. Начальник службы капитан Алехин, рекомендовавший меня чехам, разливает по рюмкам коньяк и поздравляет меня с днем рождения. "Спасибо, — говорю я, — но только мой день рождения был в ноябре". "А ты почитай", — сказал он. И дает мне аварийную сводку: "в Бискайском заливе при неизвестных обстоятельствах затонул пароход "Республика" с грузом апатитовой руды. Пароход принадлежал "Чеховфрахту", но с советским экипажем под командованием капитана Тесленко. Португальскими спасателями обнаружен один труп, доставленный в советское консульство для опознания, и два спасательных круга. Причины выясняются. На связь выходил регулярно. Предполагается внезапная подвижка груза в штормовых условиях и опрокидывание".

— Так что, с тебя причитається, — сказал Алехин.

Вот тут-то я ему и рассказал притчу о Будде. Так и сейчас — подержал в руках нэцке, единственную сохранившуюся из всей коллекции, и всплыла в памяти история фарфорового Будды.

Михаил ЛАНДЕР

МЕСТЬ БУДДЫ

ляк Хелевский. Радист — чех. Все механики — немцы. Ну, думаю, вот это я попал, погнался за длинным рублем. Знал бы — не подписывал бы контракт. Но обратной дороги нет. Капитан-китаец собрал весь комсостав, я познакомился, прошелся по их заведениям — вроде все нормально, пароход ухожен, чисто, на мостике порядок, все приборы новейшие — немецкие, недавно установлены. Немного успокоился. Груз — какие-то сеялки-веялки на Тунис, и по дороге заход в Бордо — догрузить на палубу трактора. Вернулся я в каюту капитана примерно в три часа ночи. Капитан Чжу-Чен приготовил стопку бумаг для подписи, малюсенькие бутербродики-канапе и "ханшин" — китайскую водку с резким запахом.

И вдруг в углу каюты, у другой двери, я увидел огромную, с мой рост, фарфоровую статую Будды или китайского монаха. Я спросил Чжу-Чена, как же он собирается вынести это изделие. Капитан замахал руками и прошептал целую тираду, из чего я понял, что эта фигура — дух парохода, установлена она еще при постройке и вмонтирована в палубу. Ее снять невозможно, и даже думать об этом нельзя, иначе пароход постигнет несчастье. Это фигура известного китайского мореплавателя Чжен-Хэ, жившего при династии Мин с 1371 по 1434 г. Посмотрите эти два иероглифа, продолжал капитан Чжу-Чен, это "фо" (будда) и "кай" (море). Если хотите, чтоб ваше желание исполнилось, — бросьте в рот Будды коротенькую записку — и вы меня вспомните.

Уже начинался рассвет, когда пришел второй помощник и положил, что погрузка закончена, и буксиры у борта. Я распрошчался с капитаном Чжу-Ченом, оказавшимся интересным рассказчиком и, кажется, стал понимать его английский. Проводив его к трапу, я спросил, почему нет судового врача. "А зачем? — удивился он. — Посмотрите в буфет, там в баночках разные травы и книга на английском, все баночки под номерами и соответствуют номеру болезни в книге". Мы пожали друг другу руки, и я поспешил на мостик.

В Бордо прилетел представитель судовладельца и выслушал мои требования. Пока нас грузили, привезли и установили приличный спальный гарнитур. Сложнее было с туалетом — понадобились сварочные роботы и перекладка плитки. Но и это успели.

В общем, в рейс я уже вышел в весьма комфортных условиях. Даже Будда перестал меня раздражать и дружески подмигивал. Позднее по звукам его колокольчиков, не выходя из каюты, я определял состояние погоды. Еще в Бордо наш агент привез и раздал бесплатно экипажу четырехязычный словарь Сольмана в картинках. Я о нем слышал ранее, но держал в руках впервые. Ах, какая это прелесть! Мы лучше стали понимать друг друга. Этот разговорник и сейчас сохранился у меня. Он и тогда стоил недорого — 27 долларов.

На обложке надпись: "Don't say a word. Just point to the pictures. They speak fluently. Each picture is numbered in four languages, so here you can". Там было предусмотрено все — от ниток до форменной фуражки.

Мой буфетчик — филиппинец — благодаря этому словарю прекрасно сервировал стол для гостей. Раз в неделю он мыл Будду теплой мыльной водой, тщательно протирал фланелью все складочки и при этом пел свои песенки, а Будда благодарно позывал. Иногда приходил кто-нибудь из экипажа и опускал в Будду записочки с пожеланиями. Так было заведено при старом капитане, и эта традиция продолжалась.

Несмотря на разноликость и разнохарактерность экипажа, работало удивительно легко, без всяких партсобраний и дурацких соображений. В отличие от советских порядков и бдительного ока помполита, члены экипажа ходили в город по одному, а не стаяй во главе со старшим, время увольнения не ограничивалось, ходили куда хотели. Но за все время моей работы на "Республике" не было ни одного случая пьянства или опоздания. Контрактная система очень дисциплинирует. Меня очень удивило, что к членам экипажа свободно прилетали жены,

с места, надо разобрать пол каюты и нижнее помещение. "Вот увидишь, — сказала она, — следующий капитан унесет Будду, или в лучшем случае, продаст его музею". Кто знал, что через несколько лет ее слова будут пророческими или, как говорят, — накаркала.

Я проплавал на "Республике" три с половиной года, потом мне полагался полугодовой отпуск. Чего мы только не перевозили: пшеницу и рельсы, станки и калийную соль, шерсть и лес! Посетили все порты Средиземноморья и Ближнего Востока. Заходили в Коломбо, где индус-факир за несколько часов при помощи змей очистил наш пароход от крыс. За все это время сменилось в экипаже всего несколько человек. Дважды еще ко мне прилетала жена и обнималась с Буддой, как с давним приятелем.

Но время летело, и мой контракт подошел к концу. В Союзе тем временем стали подготавливать целиком контрактные экипажи, от матроса до капитана, и конечно, с помполитом и советскими законами. В один из дней я получил радио, что при заходе в Калининград нас ожидает докование, техническая инспекция и смена экипажей. Помнится, это было в конце ноября, на мой день рождения. Шел дождь со снегом. На борт поднялась группа людей во главе со знакомым агентом "Чеховфрахта".

— Знакомьтесь, — сказал он, — ваша смена, вам дается трое суток на передачу, рядовой состав прибьет утром.

Мой сменщик оказался намного старше меня, угрюмый, с лицом в опсишку. Вопросы задавал, глядя в блокнот, от ужина отказался. Мне не нравятся люди, прячущие взгляд. Я предложил ему прийти утром, к этому времени все документы будут на столе. Утром мой сменщик пришел с помполитом, буфетчик накрыл завтрак. "Капитан, — спросил меня труженик партии, — вы не боитесь плавать с чуждыми элементами? Ведь у них свои законы и привычки, а вы советский человек". Я посмотрел на него как на идиота. "Нет, — говорю, — меня не перевербовали". Капи-

Ирина Озёрная

КОРОЛЬ И СКАЗОЧНИК ЮРИЙ ОЛЕША

(1899-1960)

Знаменитый автор "Трех толстяков" оставил нам не очень большое литературное наследие. Но зато какое! Блистательный роман "Зависть", несколько филигранных рассказов, пьес и удивительную книгу размышлений о времени и себе, где поведал нам о детстве, футболе, искусстве и братьях-художниках, изданную после его смерти под заголовком "Ни дня без строчки". Не так давно в более полном варианте и другой композиции она появилась под названием "Книга прощания".

Волшебная сила

В жизни Олеша был абсолютным волшебником, сказочником, королем и нищим одновременно. То есть — поэтом по самому высокому счету.

Изъяснялся он исключительно притчами, больше всего на свете ценил слово художественное, терпеть не мог информационный газетный стиль, а из множества поэтических приемов предпочитал метафору.

Конечно же, этот прием в литературе доступен только художникам, обладающим волшебной силой слова. Ведь метафора возникает путем превращения обычных, казалось бы, предметов и явлений в новые, невероятные поэтические образы. И происходит это исключительно благодаря особым — волшебным! — глазам художника.

А поэт и сказочник Юрий Олеша своими глазами видел, что "Гром запрыгал, как мяч, и покатились по ветру", и то, что юбки жен горожан "походили на розовые кусты", а фонари — "на шары, наполненные ослепительным кипящим молоком" ("Три толстяка"). Он своими ушами слы-

шал "овацию листвы" и то, что "сквозняк пел, как прачка". Любил уточнить: листья дуба — "трефовые" ("Любовь"), а "цыганская девочка — величиной с веник" ("Альдебаран").

Да, глаза его были так удивительно устроены, что красивое он видел прекрасным, и совершенно не переносил языковых штампов ни в литературе, ни в разговорной речи, пытался заново переименовать мир, щедро делясь своими открытиями с читателями. И читатели, глядя на мир глазами Олеша, тоже становились поэтами, обретая способность видеть и "мускулистый ветер", и "раскрытый рояль, похожий на фрак", а в облаке, повисшем над городом, — "очертания Южной Америки" ("Зависть").

Король метафоры

Его называли Королем метафоры! И, заметьте, коронован ею он был в самое густонаселенное великими художниками время — в 20-е годы прошлого столетия, когда гениев народилось столько, что они даже стали сбиваться в стаи по интересам. Футуристы, имажинисты, акмеисты, обэриуты...

И фамилия у него была сказочно-лесная — О-ле-ша. В ней слышится и дремучее слово "леший" и нежно-юное — олешка, уменьшительное от "молодого оленя", ну, вроде того, изображенного скачущим на гербе шляхетского рода Олеш (родившийся польским дворянином, писатель именно с этим зверем связывал происхождение своей фамилии).

А теперь — держитесь: к тому, что его папу звали Карлом (на итальянский манер — папа Карло), обеих бабушек, по материнской и отцовской линии, звали Мальвинами. Думается, что вряд ли такое совпадение случайно: Олеша явно поучаст-

вовал в процессе переименования персонажей сказки Карло Коллоди, по мотивам которой Алексей Толстой написал "Буратино". Ведь в "Приключениях Пиноккио" девочку с голубыми волосами зовут Маленькая фея, а старика, сделавшего из полена деревянного человечка, — Джеппетто. Да, конечно же, неспроста Валентин Катаев в "Алмазном моем венце" именует Юрия Карловича "ключиком". Но нам лишь известен тот факт, что Алексей Толстой, собираясь написать сказку-воспоминание о "Пиноккио", пригласил в гости своего давнего знакомого, опытного уже сказочника Юрия Олешу, который вспоминал об этом так:

— Слушай, — говорит вдруг Толстой, — у меня есть один замысел. Рассказать?

И я выслушиваю историю о том, как он, Толстой, будучи ребенком, прочел некую повесть о деревянном человечке...

— Так вот слушай, что я хочу сделать. Написать книгу о приключениях деревянного человечка, причем объяснить читателю, что в данном случае я именно вспоминаю прочитанное и забытое... Что ты скажешь? По-моему, это хороший прием.

Кроме того что Олеша похвалил замысел, о продолжении этого разговора ничего не известно. Судя по всему, произошел он в 1934 году. К этому времени Олеша приобрел уже славу сказочника, равного Гофману или Андерсену. По его инсценировке романа "Три толстяка", уже неоднократно роскошно изданному с 1928 года, шли спектакли на главных сценах страны: в МХАТ, Ленинградском БДТ, а в Большом театре готовилась премьера одноименного балета.

Но, надо заметить, что слава Короля метафоры обрушилась на него вовсе не после публикации "толстяков", а за год до того — после выхода в свет его "Зависти", диковиннейшей жемчужины в литературе 20-х годов прошлого столетия. Главной книги жизни Олеша. Но не будем забегать вперед.

В распиленном мире

Он, дворянин, успел-таки родиться в XIX веке: в 1899 году в Елисаветграде (Кировоград). Вскоре после его рождения семья переехала в Одессу, где прошли его детство и юность.

С разбегу он оказался в разъеме эпох, видел радостный взлет цивилизации на следующую ее ступень, и одновременно — варварское распыливание мира его страной на старый и новый.

Страна начала жизнь с нуля. Она помолодела, посвежела и строем зашагала — вперед!.. к победе!.. — под веселящие марши. Безжалостно круша на своем пути все, что считала "бывшим" и "вражеским", она расправлялась и с вековой культурой. Уничтожая ее, на абсолютно пустом месте строила она свою, папалитовую — советскую.

Тема последнего сопротивления старой культуры, названная им "заговором чувств", станет главной во всех его произведениях.

Он, подросток, не услышал тогда, в тех победоносных маршевых кликах, предупреждающего его сигнала опасности. Он был ослеплен новизной мира, совпавшей с новизной его детского восприятия. Революцию он называл романтикой, а неумную пропаганду физкультуры и спорта — приглашением к рыцарским турнирам.

Его футбольное королевство

В Ришельевской гимназии, которую Олеша окончил с золотой медалью, он прославился не только как лучший ученик и поэт, сумевший, ко всему прочему, блестяще перевести с латыни вступление к "Метаморфозам" Овидия. Он был и знаменитым хавбеком (устаревшее название полузащитника), на равных игравшим в одной команде с будущей суперзвездой мирового футбола — Григорием Богемским. Именно на футбольном поле произошла первая встреча Олеша с Валентином Катаевым, ближайшим другом до середины 30-х, после чего их дороги принципиально разошлись. Олеша выбрал путь нищего, а Катаев — писательского начальника, барина. Правда, на старости лет Катаев в "Алмазном моем венце" много интересного расскажет об Олеше-"ключике". Там описана и их первая встреча:

"Крайний левый перекинул мяч с одной ноги на другую и ринулся вперед — маленький, коренастый, в серой форменной куртке Ришельевской гимназии, без пояса, нос башмаком, волосы, упавшие на лоб, брюки по колено в пыли, потный, вдохновенный, косо летящий, как яхта на крутом повороте.

С поворота он бьет старым, плохо зашнурованным ботинком. Мяч влетает мимо падающего голкипера в ворота. Ворота — два столба с верхней перекладиной, без сетки.

Продолжая по инерции мчаться вперед, маленький ришельевец победоносно смотрит на зрителей и кричит на всю площадку, хлопая в ладоши самому себе:

— Браво, я!

(Вроде Пушкина, закончившего "Бориса Годунова": "Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!")

— Кто забил гол? — спросил я. И тогда второй раз в жизни услышал имя и фамилию ключика. В первый раз я их, впрочем, не услышал, а увидел под стихами...

Тогда я никак не мог предположить, что маленький ришельевец, забивший левой ногой такой прекрасный гол, и автор понравившихся мне стихов — одно и то же лицо... Я подошел к нему... назвал себя. Он назвал себя... Мне было семнадцать, ему пятнадцать".

Да, если бы из-за невроза сердца, обнаруженного вдруг у Олеша в детстве, врачи не наложили вето на его занятия спортом, из него вполне мог бы вырасти и король футбола. Но он стал королем метафоры, воспевшим футбол. Лучшие "футбольные страницы" в литературе принадлежат ему. В романе "Зависть", например, сюжетная развязка происходит именно на футболе, на фоне международного матча. А финал пьесы "Заговор чувств", написанной по мотивам "Зависти" для Театра им. Вахтангова (премьера 1929 года) завершается эффектной ремаркой:

"Марш. Идут футболисты по лестнице. Двадцать два человека в пестрых одеждах. Рукопожатия".

И не случайно, что до конца жизни Олеша дружил с прославленным капитаном "Спартака" — флагманом советского футбола — Андреем Старостиным. Кстати, "флагман" сам замечательно рассказал об этой дружбе в сборнике "Воспоминания о Юрии Олеше".

И Юрий Карлович вспоминал и о Старостине, и о Богемском, и о своем футбольном детстве в записях "Ни дня без строчки" и "Книги прощания".

"Пыль была по щиколотку, и было приятно идти, потому что мне было тогда двенадцать лет. Далекая дорога на стадион... К спорту тогда относились несерьезно, считая, что это для подростков, причем известных плохим поведением. Какая-то организованная шалость — вот как относились к футболу...

Мы возвращались уже среди сумерек. Цветы все казались белыми — и они были очень неподвижными, эти маленькие белые кресты, кресты сумерек.

Наши ноги в футбольных бутсах ступали по ним. Мы просто не видели их. Это теперь, вдруг оглянувшись, я увидел целый плащ цветов — белый, упавший в траву рыцарский плащ".

С зеленого поля — в "Зеленую лампу"

В той же мальчишеской одесской команде вместе с Олешей и Катаевым играл в футбол и будущий известный поэт Эдуард Багрицкий. Они на долгие годы так и остались командой, шагнул с зеленого футбольного поля в высокую поэзию, в большую литературу. По дороге к ним присоединились Илья Ильф (тогда Файнзильберг), Евгений Петров (псевдоним Жени Катаева, взятый им во избежание путаницы со старшим братом), Семен Кирсанов, Зинаида Шилова и другие завтрашние участники высшей литературной лиги. Перестав старту соберутся они в кружок, назвав его в честь знаменитого пушкинского братства "Зеленой лампой". И освещенные этим заветом, нашумят в Одессе их поэтические концерты, диспуты об искусстве, первые публикации в местной прессе и знаменитые импровизации короля-Олеша, с громким реноме, ну, очевидной небывальщины.

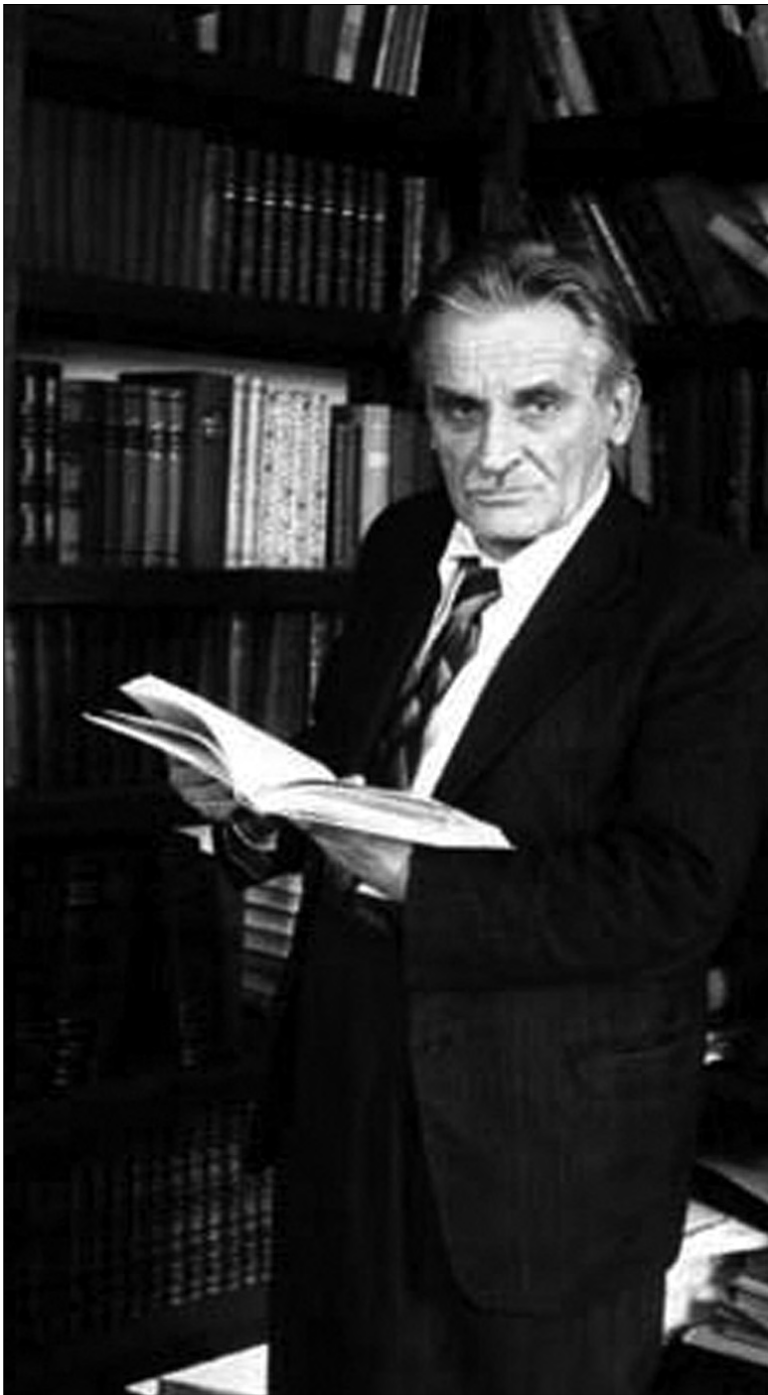
А происходило это следующим образом. В одесском кафе "Ай-Лайф", например, облюбованном "зеленоламповцами", шел очередной поэтический концерт, в конце которого объявлялось: "Импровизации Юрия Олеша!". Он весь вечер наблюдал за посетителями кафе, слушал выступавших до него поэтов, и выйдя на эстраду, молниеносно, на глазах у публики, блестяще сочинял остроумнейшее стихотворное обозрение вечера, с лету импровизируя под каскады хохота и заработав бешеные аплодисменты в конце.

А в начале 20-х, когда вся эта литературная команда перебралась в Москву и почти в полном составе оккупировала газету "Гудок", это виртуозное умение Олеша востребовало редакция. Он и тут прослыл королем.

Москва, "Гудок"

Все они перебрались в Москву, чтобы покорить мир. И покорили. Но не сразу сказка сказывалась: начали они никому еще не известными журналистами в железнодорожной газете "Гудок". Доводили до ума рабкорские фельетоны и писали свои. В аппарате "Гудка" тех лет, как ни в какой другой газете, собралась поистине уникальная компания: одесситы — Валентин Катаев, Илья Ильф, Евгений Петров, Эдуард Багрицкий, Юрий Олеша; и киевляне: Михаил Булгаков, Константин Паустовский и др. Должности их называ-

лись: обработчики. Днем они превращали в шедевры информацию, полученную от рабкоров со всей страны. А по ночам на краешках кухонных столов своих "вороньих слободок" сочиняли те самые покорившие мир романы, повести, пьесы. Фельетоны подписывали забавными псевдонимами. Булгаков был "Крахмальной манишкой", Катаев — "Стариком Саббакиным", а Юрий Олеша прославился как "Зубило". Это имя было самым популярным у читателей "Гудка".

Так вот, когда редакционная администрация была озабочена очередной годовой подпиской, Олешу-Зубило возили на гастроли по крупнейшим железнодорожным узлам страны. В Саратове, Харькове или Киеве для этого арендовалось самое большое помещение, как правило, цирк. Город завешивался афишами, кричащими о том, что на встрече с железнодорожниками выступит Зубило. Это было залогом того, что яблоку на вечеру упасть будет негде. И вот в переполненном цирке докладчик, обстоятельно рассказав о достоинствах "Гудка", вдруг просил правую половину цирка выкрикивать слова, которые придут на ум, а левую — подбирать к этим словам рифмы. Началась игра, цирк оживлялся, люди выкрикивали рифмы.

— Хватит! — торжественно заявлял докладчик, как только набиралось достаточно слов. — Сейчас товарищ Зубило на глазах у всех сочинит поэму. В ней прозвучат все названные здесь слова, причем в той самой последовательности. Товарищ Зубило, прошу!

Олеша, заглянув в листочки, только что полученные у докладчика, выходил на середину манежа и обращался к уважаемой публике:

— Здесь 130 слов и столько же к ним рифм. Значит — 260 строк. Сколько времени вы мне даете на сочинение?

И какую бы цифру не называли слева, справа, с высот галерки, Олеша твердил одно:

— Много!

Потом кто-нибудь робко догадывался:

— Пять минут?

— Слишком много! Ни одной минуты!

Это был настоящий цирк! Как и раньше, в кафе "Ай-Лайф", ошеломленная аудитория слушала остроумнейшее стихотворное повествование из наобум подобранных слов и рифм, рассказывающее о повседневной жизни на транспорте, о "Гудке" и даже об этом самом вечере. Такая литературная игра — создание стихов на заранее заданные рифмующие слова, называется буриме, и доступна она далеко не всем поэтам. А Олеша был к тому же и мастером экспромта.

Подписка на "Гудок" после этого была поголовной.

Простор для поэзии

Но он оставался равнодушным к своей славе стихотворного фельетониста, зарабатывая в "Гудке" себе просто на жизнь. Фельетоны писались шутя, не требовали ни сил, ни энергии, потому были неинтересны ему, а лирические стихи он вообще перестал писать. Рифма вдруг стала ему мешать. На первом его сборнике стихотворных фельетонов "Зубило", подаренном им в 1924 г. Булгакову, была сделана такая надпись: "Мишенька, я никогда больше не буду писать отвлеченных лирических стихов. Это никому не нужно". И одновременно с этим он восклицал: "Проза — вот настоящий простор для поэзии!".

И на этом своем безграничном просторе он, еще никому не известный писатель Олеша, а вовсе не прославленный фельетонист Зубило, создавал совершенно особую, ни на чью не похожую прозу, целиком состоящую из невероятных по точности и силе метафор. Он колдовал над этой мозаикой, точно безумец, мостящий дорогу исключительно отборными драгоценными камнями. Целых пять лет (с 1922 по 1927) он работал над такой небольшой по объему "Завистью".

"Здравствуй, брат, писать трудно!"

Этим приветствием обменивались при встрече ленинградские писатели "Серапионовы братья". Олеша никогда не числился в их рядах, но по этому принципу один стоил целого братства. Из "серапионов" он дружил с Зощенко и Кавериныным. "Здравствуй, брат, писать трудно!" — говорили они при встречах друг другу. Что ж, большим художникам всегда работает нелегко, но Олешино стремление к совершенству и ответственность его за Слово художественное перехлестывало любые границы.

В архиве писателя сохранилось более двух тысяч страниц рукописей вариантов "Зависти". Причем уцелели из них далеко не все. "Пишу я трудно, — рассказывал он. — Написанное сегодня — завтра уничтожается. О каждом кусочке думаю: ужасно! и пишу снова. Каждый день все меняется. Каждый день задумываю новую вещь, в конце недели возвращаюсь к первоначальному замыслу — и опять прихожу к новому... Первых страниц было 300, и ни одна из них не стала потом первой. А первой стала какая-то другая страница".

Но однажды этот маниакальный процесс вдруг прервался более чем на полгода. И за это время почти шутя, точно играя в буриме для "Гудка", Олеша написал сказку "Три толстяка". А произошло это следующим образом.

Как становятся сказочниками

Однажды из окошка катаевской квартиры в Мыльниковом переулке Олеша увидел сидящую в окне дома напротив очаровательную девочку лет тринадцати с книжкой в руках. Девочка, похожая на принцессу, читала Андерсена, и очень понравилась королю Олеше. Он познакомился с ней и влюбился. А чтобы завоевать сердце принцессы, он пообещал для нее написать сказку, красиво издать и посвятить ей. Олеша надеялся, что когда девочка вырастет, — поймет, что он гений, полюбит его, и они поженятся. Принцессу ту звали Валля Грюнзайд.

И отложив "Зависть", влюбленный Олеша ринулся писать "Три толстяка". Жил он тогда в клетушке "пенале" импровизированного общежития для бездомных "гудковцев", устроенного за перегородкой прямо в типографии. Позже его опишет Ильф с Петровым в "Двенадцати стульях" как "Общежитие им. Бертольда Шварца".

Там, лежа на полу, юный сказочник писал "толстяков" на рулоне типографской бумаги, откатывая его, как футбольный мяч. И — о чудо! Годами шлифующий свою прозу Олеша написал "толстяков" за восемь месяцев. Уже в начале 1924 года в издательство детской литературы отправилась весьма солидная рукопись.

Но, увы, все издательства от "толстяков" отказались. Сказка как таковая в послереволюционные годы считалась "проповедью мистики и идеализма", а потому не рекомендовалась советским детям. И только в 1928 году, почти через год после выхода "Зависти", вмиг сделавшей Олешу знаменитым, сказка с восторгом была напечатана одним из престижнейших издательств страны, с иллюстрациями крупнейшего графика эпохи Мстислава Добужинского. И, как было обещано девочке, на отдельном листе роскошной книжки красовалось: "Посвящается Валентине Леонтьевне Грюнзайд".

Да, за эти пять лет принцесса выросла. Книжка подросла к ее совершеннолетию и свадьбе. Правда, замуж она вышла за другого писателя — Евгения Петрова. И Олеша к тому времени уже был женат, сделав королевой прекрасную женщину с удивительной фамилией, обернувшейся именем героини "толстяков". Жену его звали Ольга Суок.

"Зависть"

Героем "Зависти" был поэт с абсолютно метафорической фамилией Кавалеров. Недобитый донкихот, сражающийся со Временем за культуру и чувства старого мира, отстаивающий Достоинство, Поэзию, Любовь и искусство служения Прекрасной Даме. Его речь выходила из совберегов. Он чувствовал и говорил так красиво, что Время просто не понимало его, будто эта речь была иностранной. А на лучшее изречение, сказанное девушке: "Вы прошумели мимо меня, как ветвь, полная цветов и листьев", — антагонист Кавалерова презрительно хохотал: "Полная цветов? Цветов и листьев?.. Это, наверное, какой-нибудь алкоголик..."

Этот антагонист, герой нового мира Андрей Бабичев — бывший революционер, комиссар гражданской, член правительства, высокий чиновник, "заведующий всем, что касается жранья", прославившийся изобретением нового сорта колбасы. Он — тот самый хозяин жизни, кто, по мнению Кавалерова, уничтожил культуру, изменил природу славы, унизив ее до создания колбасы, а теперь он добивает его, поэта. И Кавалеров бросает вызов: "...я воюю против вас: против обыкновеннейшего барина, эгоиста, сластолюбца, тупицы... за нежность, за пафос, за личность, за имена, волнующие, как имя Офелия, за все, что подвигаете вы..." Но он, интеллигент, проигрывает власть имущему, и нищим отброшен на задворки жизни (массовые репрессии тогда еще не начались).

"У меня есть убеждение, что я написал книгу "Зависть", которая будет жить века... От этих листов исходит эманация изящества", — позже напишет Олеша в дневнике.

Да, "Зависть" наделала много шума, о ней заспорили, заговорили все. Знающие толк изыска — восхищались, а многочисленные представители РАПП (Российской Ассоциации Пролетарских Писателей), злобно раскритиковав роман, тут же обвинили Олешу в интеллигентности и формализме, в том, что он не колесит по стройкам и не сочиняет эпопей о героях пятилеток. Они заклеили Олешу кличкой — тогда еще не "врага народа", но уже лишь "попутчика советской власти". Этим же перспективным клеймом было помечено большинство лучших писателей 20-х годов.

Нищий

Олеша затаился и начал писать роман "Нищий" с пророческой для себя щемящей темой: о бессмысленной гениальности сегодняшнего писателя, выброшенного в лохмотьях на паперть за углом. Затем, оставив роман, перенес эту тему в пьесу, которую ему заказал МХАТ. Эта лучшая его пьеса называлась "Смерть Занда". Он писал ее пять лет, но так и не закончил. Не захотел загубить просоветской концовкой, как уже испортил, уговоренный Мейерхольдом, — мол, без этого теперь ставить нельзя! — "Список благодеяний", написанный для Гостим в 1931-м. Мейерхольд ее, правда, с восторгом поставил с Зинаидой Райх в главной роли. Она играла актрису Гончарову, сбжавшую из страны Советов в Париж, но не нашедшую там святого искусства и в отчаяние погибшую среди рабочих на баррикадах. Мейерхольд с эффектной заботой прикрыл ее в финале красным флагом.

Молчание вечности

Он, король, рыцарь и чародей, с лету разбился о жесткое, закованное в железобетонные латы время, подманившее поначалу его свежестью новизны. Копье было сломано, меч выбит из рук, щит расколот, а сам он вылетел из седла. Пришла изматывающая "болезнь молчания", разновидность писательского изгойства тех лет... Начиная с брошенного романа "Нищий", он, непрерывно работая, разучивался ставить точку. Постепенно от него уходила слава.

В 1934-м году с подмостков I-го Съезда писателей Олеша прямодушно заявил о своей полной нестыковке с директивным направлением в советской литературе:

"...Я понял, что дело не во мне, а... в том, что окружает меня... Я мог бы поехать на стройку, жить на заводе среди рабочих, описать их в очерке, даже в романе, но это не было бы моей темой, которая шла от моей кровеносной системы, от моего дыхания..."

Я представил себя нищим. Очень трудную жизнь представил я себе — жизнь человека, у которого отнято все...

Стою на ступенях в аптеке, прошу милостыню, и у меня кличка — "писатель".

Он начал лечить себя пьянством, и — как ни парадоксально — выжил именно с помощью этого лекарства. Время махнуло на него рукой и перестало преследовать. Оно не видело больше опасности в опустившемся пьянице, "бывшем писателе", каламбуриющем целыми днями за столиком кафе "Националь".

"Ни дня без строчки"

Но самое удивительное, что он выжил и как писатель. С конца 20-х он вел дневник, который потом взял за основу книги, состоящей из отдельных записей, зачастую брошенных на полуслове. Так возник жанр "Ни дня без строчки", романа "в стол" о собственной жизни и времени, которое он несмотря ни на что сумел честно прожить Художником.

"Я пишу эту книгу, не заботясь о том, чтобы из нее получилось некое цельное произведение. Цельное не может не получиться... то, что приходит в голову, всегда имеет цену звена. По всей вероятности я пишу книгу об эпохе. Об эпохе, в которую включена и моя жизнь..."

Кто-то сказал, что от искусства для вечности останется только метафора. Так оно, конечно, и есть... мне приятно думать, что я делаю кое-что, что могло бы остаться для вечности... Что такое вечность, как не метафора...

Знаете ли вы, что такое террор? Это гораздо интереснее, чем украинская ночь. Террор — это огромный нос, который смотрит на вас из-за угла. Потом этот нос висит в воздухе, освещенный прожекторами, а бывает также, что этот нос называется Днем поэзии. Иногда, правда, его называют Константин Федин... или Алексеем Сурковым...

Я могу выбирать. Значит, нужно выбросить кошелек, перестать зарабатывать, — может быть, это путь к чистоте... я найду чистоту мою... я стану нищим... Я ухвачу кончик нити и распутую клубок...

Я тебя вспоминаю, дитя, которое нагнулось надо мной. Сколько лет! Сколько лет!! И эта тоска всегда со мной — Успенская? Княжеская? Я стал, дитя, князем "Националя" — о, мое бесконечно золотое видение...

Неважно, чего я достиг в жизни, важно, что я каждую минуту жил...

Да здравствуют собаки! Да здравствуют тигры, попугаи, тапиры, бегемоты, медведи гризли! Да здравствует птица-секретарь в атласных панталонах и золотых очках! Да здравствует всё, что живет вообще — в траве, в пещерах, среди камней! Да здравствует мир без меня!"

Нередки случаи, когда увлечение постепенно вытесняет из памяти друзей основную профессию героя.

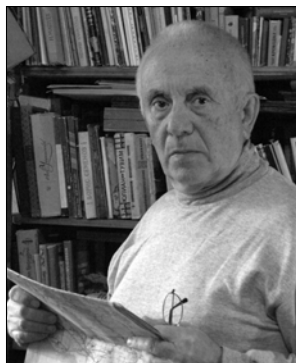
Сергей Викторович Калмыков, которого мы поздравляем с 75-летием, прекрасный инженер-океанолог, но все же для широкого круга культурных одесситов он, прежде всего, фотохудожник, благодаря таланту которого запечатлены многие замечательные люди, связанные с нашим городом, многие памятники одесской архитектуры, исчезнувшие и оставшиеся только на его фотографиях...

Сергей Калмыков кроме таланта фотохудожника владеет еще и литературным даром — его рассказы о встречах с яркими людьми в истории Одессы не уступают по художественным качествам его фотографиям. Кажется, подлинная любовь к Одессе подпитывала от природы полученные дарования. К тому же одесский юмор, одесская ирония, одесская печаль по утраченному — дополнительные штрихи его таланта.

Сергей Калмыков любезно предоставил нашей газете несколько фотографий из своего архива и специально написал новые тексты.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Сергей КАЛМЫКОВ ОТВЕТЫ НА НЕЗАДААННЫЕ ВОПРОСЫ

Когда моему отцу стукнуло пятьдесят, я, тогдашний студент-первокурсник, спросил его:

— Это же, наверно, ужасно много, это же половина столетия?

И услышал в ответ:

— Много, конечно, только прошло быстро...

Теперь, когда мне семьдесят пять, я понимаю, насколько он был прав. Да, так же быстро, как быстро читается интересная книга с великолепными картинками. До чего ж интересно сегодня снова пролистывать ее страницы! Жаль только, что некоторые слегка выцвели или открываются с трудом. Были замечательные

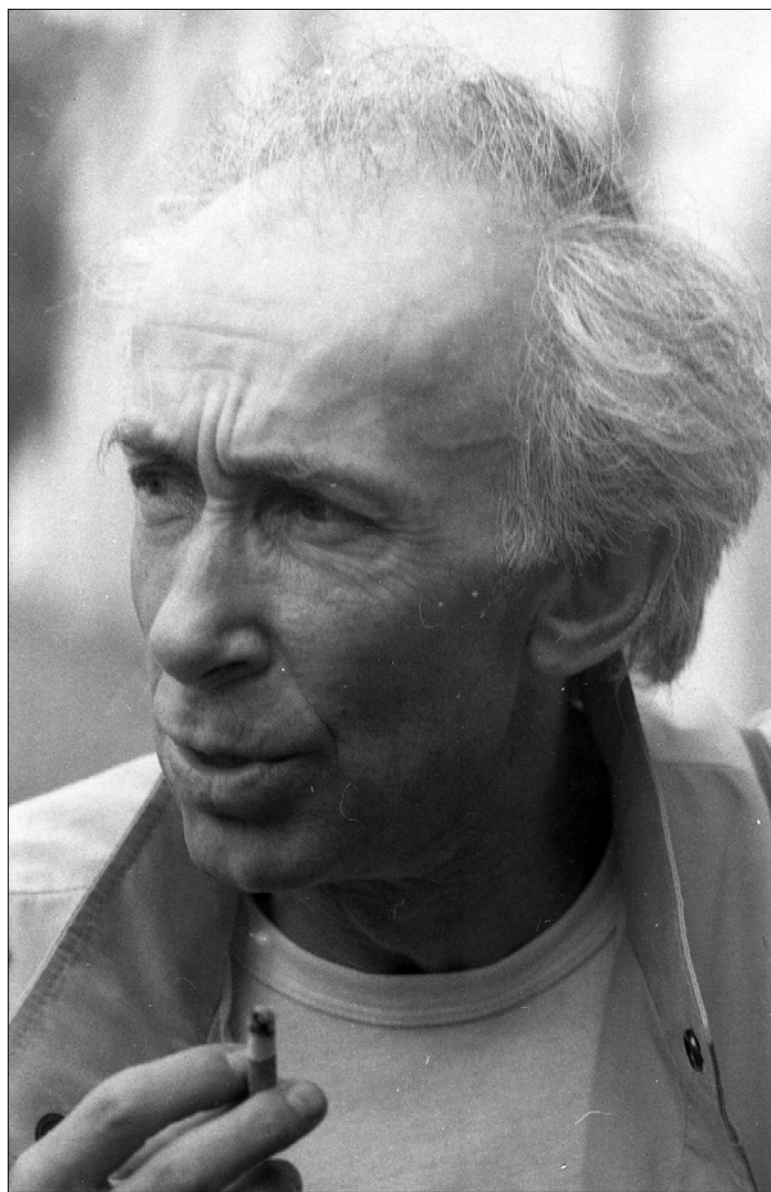
поездки и встречи, открытия и находки, участие в литературоведческих конференциях, в издании разных книг, в фотоконкурсах и выставках. Но почему "были"? Интересная жизнь продолжается, и это здорово!

Источники моего оптимизма — это надежная семья, дети и внуки, близкие по духу люди и книги, музыка и природа, а еще — возможность заниматься любимым делом за удобно освещенным рабочим столом. А намеченных дел, даже первоочередных, немало.

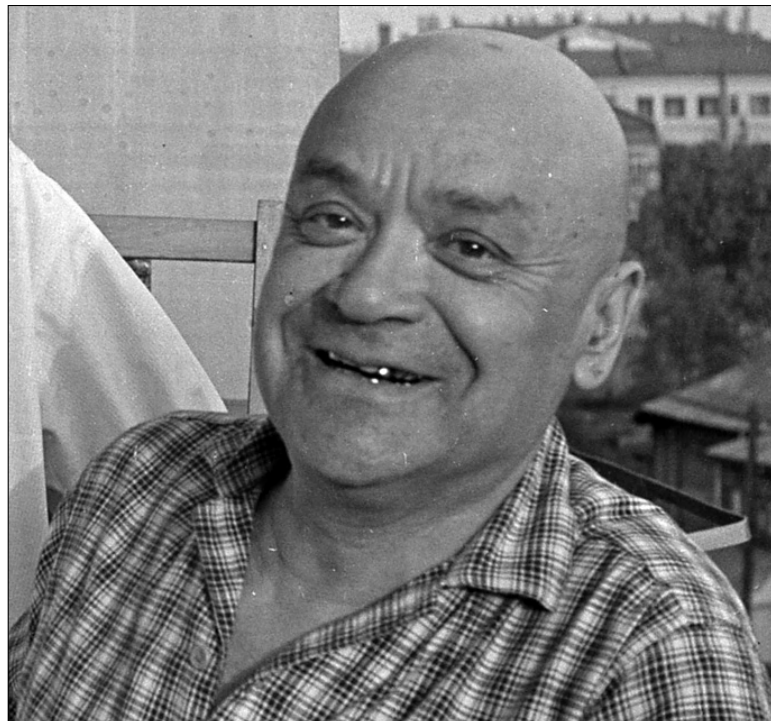
Часть моих детских лет пришлось на военные годы в Одессе, а ведь в начале жизни что ни шаг, то новиз-

на и удивление. Вот впечатления и остались настолько яркими, что хочется набросать для внуков этакое "Дополнение к общеизвестному". И не только это...

А вот источники моей досады — это упущенные возможности в результате собственной нерасторопности, это понимание все той же быстротечности времени, это постепенное исчезновение задушевности и своеобразия нашего благословенного города, это вползание в нашу жизнь серого бескультурья и беспамятства. А беспамятству и забвению я всегда противостоял как мог.

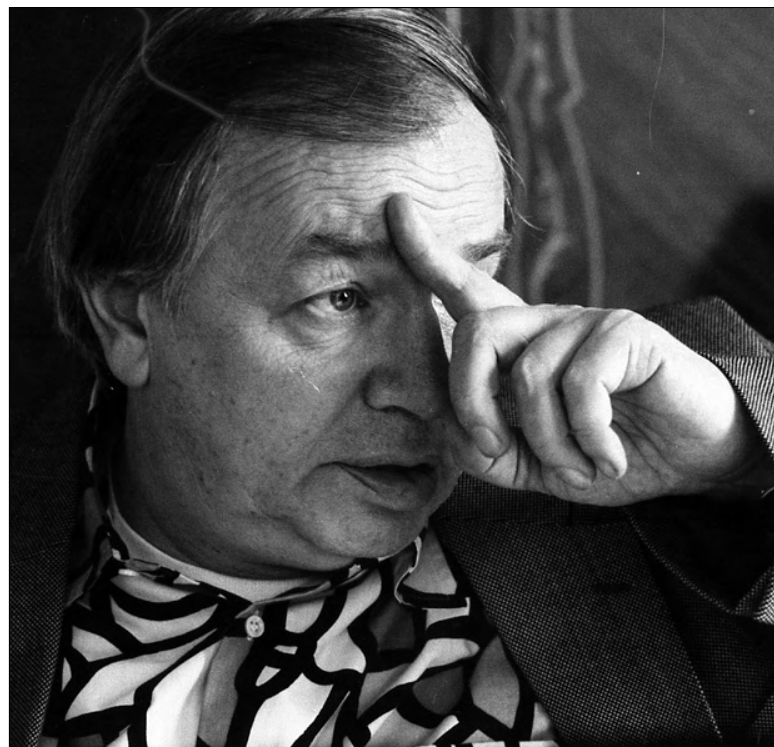
Актер Валентин Никулин

Писатель Сергей Бондарин

Кинорежиссер Петр Тодоровский

Поэт Андрей Вознесенский

Онегин в Тель-Авиве

Когда вдруг появился шанс поехать в Тель-Авивскую оперу, какие могли быть колебания? Возникла определенная надежда получить новые впечатления, и она оправдалась полностью. Жаль, что уже смерклось, и охватить полностью внешний вид театра не удалось. Одно было понятно: здание велико и очень современно, но без модного безобразия. На входе крепко-охранник ласкает вас металлоискателем и просит открыть сумки, даже дамские. Ну, понятно, чего уж тут... Билетов, однако, пока не спрашивают, и в фойе заходим просто так. Лестницы, переходы. Расставлены манекены в роскошных сценических одеяниях, продаются компакт-диски в изобилии.

Билеты понадобились только при входе в зал. Он велик, сцену видно прекрасно, хоть места наши довольно высоко. Забегая вперед, упомяну, что по ходу спектакля даются титры на иврите и английском. Состав солистов сборный: Израиль, Россия, Канада. Хор местный, рус-

скоязычный без признаков акцента, значит, все наши.

Теперь о постановке. Неизбежные березки в качестве задника для всех действий. "Еще будет роля в кустах", — предупредил знакомый хорист. И точно, вполне традиционное начало: лужайка, верные поселяне, барыня с дочерью и хлопотами о варенье, и — роля. Он свидетель и письма Татьяны, и ее свидания с Онегиным. Оно решено в виде пикника: гамак, подстилочка на манер пляжной, на которой девушка ждет предмет обожания, а хор за

березками поет "Девушки-красавицы, душеньки-подруженьки...". Почему-то Онегин одет в "тройку" песочного цвета и смахивает на чеховского Тригорина. Сцена именин, в основном, традиционна. Разномастные гости, уютная зала, диванчик, где норovit прикорнуть сытый толстяк, ну и роля, на котором забавник Трике, надев сарафан, поет свое поздравление. В сцене дуэли роля задрапирован тканью, припорошенной снегом. На петербургском рауте уже не ютящийся где-то сзади роля притягивает внимание, а несоразмерно громадная сверкающая хрусталем люстра.

И вот финал... Но тут уже не до иронии, а накатывает холодок от символики полного краха для Онегина. Лежит на сцене погасшая и рухнувшая люстра, роля чуть заснежен как напоминание о том январском дне, когда был убит юный друг, желанная, но потерянная Татьяна в черном платье, как в трауре...

Может, и не вполне по Пушкину, но щемяще сильно.

Евгений НИКОЛАЕНКО

ИВАНОВЫ ГОЛУБЫ

Сад укрыл себя разноцветным рядом, подготовив к зимнему противостоянию. Подул первый натужный "молдаван", лихо сбросив с деревьев часть багряной листвы, которая, как бы убегающая, пряталась в тихих углах, закрытых строениями. Стая голубей в обновленном наряде, как манекенщицы на подиуме, выстроилась на коньке крыши, спрашивая хозяина: "Ну, как мы?". Они уже поменяли свое последнее, десятое боевое перо, и теперь время от времени взмахивали крыльями, чтобы проверить, выдержит ли оно штормовой натиск норд-оста. Оно венчает крыло элитного голубя, как корона монарха. Десятое, боевое перо, должно созреть к ноябрю, подсохнуть, как дамасский клинок; одно неловкое, резкое движение — и оно ломается у самого основания. Голубятник во время созревания этого пера ограждает птицу от лишних движений, потому что без него очарование полета исчезает.

При этом боевое перо выгибалось, звенело, как натянутая тетива лука, пропуская через себя сильные потоки воздуха, оно пело удивительную песню голубиного полета. Вот она, долгожданная пора гона серпастых. Подрост молодняк, птицы освободились от утомительного ухода за птенцами. И первую настоящую проверку боем выдержат самые сильные особи. Слабые, не набравшие достаточно сил, чтобы сопротивляться стихии, плохо перелинявшие, не смогут справиться с натужным ветром, их заберет море или, сбившись с курса, потеряются и пополнят стаи беспризорных городских дикарей, роющихся вместе с бомжами на свалках, в мусорных баках...

— Ну что же, мои дорогие, пора показать, на что вы способны, — сказал я. Длинный бамбуковый шест с привязанным пучком ленточек, напоминающим стрельбу, коснулся крыши, и испуганные птицы, подхваченные ветром, устремились вверх.

Любой голубятник жалеет показать коллегам своих питомцев и посмотреть чужих. Это не всегда удается, необходимо выдержать условия для полета, когда сама природа располагает к этому.

Воскресный солнечный день, ветер, причудливые белые, как ватные бараны, облака, на фоне которых можно реально определить качество полета птицы. Первый осенний гон — это не только удовольствие, но и огорчения. Потеряв нескольких молодых, которых ветер отнес на значительное расстояние, хотя не уверен, что навсегда, голубятник остается с надеждой, что со временем они вернутся, — так и случается в первые несколько дней. Память у некоторых пород голубей короткая, и через неделю они навсегда забывают дорогу к родному дому, где их выкормили птичьим молоком родители. Надо ждать их возвращения еще несколько дней.

Каждый прилет сопровождается бурей эмоций, ведь это возвращается часть тебя. После первых летних дней собираюсь посмотреть голубей своих коллег с тайной надеждой, что какой-нибудь из твоих питомцев случайно приземлился на чужой голубятне. Надо же дать еще один шанс молодым птицам. Позволил "Водолазу":

— Володя, ты обещал показать мне хозяйство Ивана.

— Сейчас свяжусь с ним, и можем ехать в Татарку.

Обычно голубей содержат в голубятнях, но ничего подобного я не увидел. Это был двухэтажный коттедж, отделанный современными материалами, который населяло около тысячи породистых птиц. "Красиво жить не запретишь", — подумал я. Но для этого необходимо быть страстным, одержимым охотником, и конечно же, состоятельным. Есть много дворцов: народного творчества, бракосочетания или спорта, но это, пожалуй, единственный на Юге Украины "Дворец голубей".

Мы поднялись на второй этаж, миновали несколько голубиных комнат, стены которых были грамотно оборудованы клетками с гнездами, и оказались перед дверью, которая вела на большую террасу. Хозяин открыл ее, и около сотни птиц, обдавая нас ветром крыльев, вылетели на площадку, устремившись за кормом. Шестидесять лет я держу эту птицу, но ничего подобного не видел. Сотня голубей: белые, черные, сизые, красные, чубатые, лохматые, в чулочках и без них, усеяли площадку около ста квадратных метров. Глаза разбегались во все стороны: чистопородные, привезенные со всех концов, могли соперничать разве что с голубями Виктора Януковича.

Хозяин, Иван Григорьевич Детушев, немногословный мужчина среднего возраста, предложил нам чаю. Мы охотно согласились. Хотелось адаптироваться к голубиной обстановке и сделать для себя какие-то выводы.

С тех пор прошло около десяти лет. Я один раз привез посмотреть на эту красоту телевизионщиков. Но, по всей вероятности, время показа еще не наступило, идея должна созреть. Собираясь написать этот рассказ, я впервые попросил Детушева рассказать о себе подробнее.

— Давно держишь голубей? От кого передалась эта страсть?

— С тех пор как открыл глаза. Дед, Михаил Феоктистович Детушев, у меня был страстный любитель. Он был один из первых, кто создавал курских белоголовых, а появились они в конце XIX столетия. Недалеко от моего села, пригородной казачьей слободы. Этих голубей еще называют азаровские. Обрати внимание на птиц в первом вольере — это и есть голуби той породы, которых я завез в Одессу. Родился я в селе Верхнее Смородино в сорока верстах от Курска. Дом наш стоял над рекой Смородиной.

Я пошутил: вот тебе и название — "Опасный рейс Курск — Одесса".

— Что, там смородину выращивают?

— Нет, на древнеславянском смород — запах. Река течет по равнинной местности, в летние месяцы начинает цвести, вызывая стойкий запах. В детстве мы в реке купались, ловили рыбу. К сожалению, ее больше нет. Славилось мое село тем, что оно хоть и образовалось в семнадцатом столетии, не имело крепостных крестьян. Вольный люд там жил и служивые. Может, для России и нетипично, но село наше было богатым, а дед мой зажиточным.

— И что же, его избежала судьба раскулаченного и сосланного в Сибирь?

Иван грустно вздохнул.

— Не будем вспоминать об этом.

Я тогда не жил, да только мой дед был авторитетным человеком в районе, хоть и голубятником. Когда немцы пришли в село, приказали всех голубей ликвидировать. Михаил Феоктистович под страхом смерти не уничтожил птицу и додержал ее до конца войны.

— Как ему это удалось?

— На речке по пологому берегу образовывались вымоины, поросшие камышом и кустарником. Болот в наших местах нет, а вот трясины по руслу реки случаются, иногда в них попадали крупный скот и даже люди. Эти гиблые места все обходили стороной, детей пугали ними и говорили, что там водяной живет. Дед мой знал тропинку и труднодоступную пещерку, соорудил клетки и спрятал там лучших своих голубей. Ночью тайно пробирались к ним, чтобы оставить корм. Староста, тоже страстный охотник, приметил как-то деда и стал следить за ним. Хотелось разузнать, к кому это по ночам на свидание пробирается старик. Старосте никому об этом не рассказал и устроил на заветной тропинке засаду. В лунную ночь Михаил Феоктистович понес корм голубям. Он приоткрыл полог пещерки, предусмотрительно прикрытый камышом, и услышал команду: "Стой, стрелять буду!". Дед оторопел, выронил ведро с зерном и упал на колени.

— Давай, дед Мишка, показывай, кому еду принес.

Деваться было некуда, дед приоткрыл полог и показал голубей.

— Эх, Михаил Феоктистович, старый ты, а не понимаешь, что этим себя под расстрел подвел. Приказ новых властей каков был?

— Господин староста, власти-то у нас часто меняются, а голуби-то одни.

— Команда была голубей уничтожить — и basta. А ты что делаешь? Да и конспирации тебя никто, видимо, не учил. Голубей спрятал надежно, даже я не нашел, но вот идти в лунную ночь по открытой местности не стоит. Все как на ладони. Видишь, сухое дерево стоит, — это ориентир: там по кустам тропинка проходит, и не так заметно. Много голубей сохранил?

— Десять два.

— Даст Бог, закончится война, половину конфискую. А теперь иди, да помалкивай, что сегодня меня встретил. Себя погубишь, и мне несдобровать. Слыхал, в Нижнем Смородине Гришку Пописа немцы за то, что голубей в церкви прятал, расстреляли, а попу приход закрыли?

— Да, слыхал, слыхал. А куда же вы, господин староста, своих летунов подевали?

— Что ты, как попугай, старый пень, заладил: "Господин староста, господин староста", — или забыл, как меня зовут? Аким, или Аким Пан-

телевич, я для вас так и остался. Комендант гарнизона капитан Грюппе большой "любитель голубей", самолично приказал приготовить ему плов из моих турманов. Чтобы у него брюхо лопнуло!

Староста вытащил из бокового кармана свои часы-луковицу, взглянул на старика.

— Заболтались мы с тобой. Иди, дед, да держи язык за зубами, иначе нам головы свои не сносить до конца войны.

Михаил уже собрался уйти, его снова остановил староста.

— Феоктистович, зерно-то оставь голубям.

Дед спохватился:

— Совсем забыл, старый дурак, чего пришел.

Трудное военное время прошло, и снова в трехъярусном срубе поселились голуби, принесенные Детушевым с реки. Они за время войны потеряли лоск, как и люди, но скоро пришли в себя и дали новое потомство.

Было летнее майское утро. Детушев собрал голубей, свободных от семейных обязанностей и молодых, взмахнул шестом, и птицы с хлопанием устремились в лазурное небо. Душа голубятника радовалась и тоже рвалась в эту загадочную, как будто разукрашенную ультрамаринной высь. Где-то невдалеке урчал движок легкового автомобиля, такой непривычный для послевоенного времени. Старая "Эмка" подкатила к дому, из нее вышел Аким, он был одет в серый костюм, при галстук.

— Что в такую то рань, Аким Пантелевич, пожаловали к нам?

— Да и вы, Михал Феоктистович, тоже не спите.

— Я старый, мне не спится, жаль времени, решил поохотиться.

— Вот и я подъехал посмотреть на охоту, заодно и должок у вас взять, не возвращаете?

— Чего же возражать, договор есть договор. Никак я не пойму вас, Аким Пантелевич, в двадцатые в продотряды разгуливали, при немцах старостой служили, судя по прикиду, автомобиль, и сейчас в начальстве ходите?

— Так, так, Михаил Феоктистович, ход мысли правильный, продолжай. Чего же не сдал до сих пор меня властям?

— Каким?

— Мог немецким, да и сегодня еще не поздно, советским. Припомнается мне, что в двадцатые, когда тебя проверяли на предмет излишков продуктов, я сидел вон на том пенечке, а под ним схорончик был, и пашеннойкой попахивало, а на реке, где ты голубей хранил, коровенку прятал. Так я своих коллег отводил, как бы они не отобрали у тебя последнее добро и детей твоих по миру не пустили.

— Ты об этом знал?

— Такая моя профессия, дед, знать все.

Детушев зарделся, как девица, он не предполагал, кто его охраняет.

— Кто ты на самом деле, Аким, человек или демон?

— Успокойся, дед, человек, так надо.

— Кому?

— Будешь, дед, много знать, будешь плохо спать. Ты лучше скажи, почему не заложил до сих пор меня?

— Ты знаешь, Акимушка, это вы считаете, что земля круглая, а я думаю, что она имеет форму жопы, иногда поворачивается таким образом, что там твой нос оказывается, и ты нюхает собственное дерьмо. Человек должен отвечать за необдуманные поступки, тем более, когда они несут горе близкому. Не знаю я, что ты за человек, но беды ты мне не приносил, а наоборот. Вот поэтому я в такой растерянности.

— Михаил Феоктистович, ты, я вижу, философ.

— Философию мы не проходили, а вот Сибирью ученый.

— Нет, дед, моей вины в том, что угоняли тебя власти в холодные края, и сам я чуть не загремел, да война началась. А она, брат, все спишет, не на кого нам надеяться. Хватит об этом. Каких голубей мне дашь?

— Вот сядут все — выбирай любых.

— Не жалко будет расставаться?

— Аким, не говори глупости, показывай, какие к сердцу припали.

— Все они у тебя, как на выставку. Вот этих курских белоголовых пару, я их заприметил еще в ту ночь на реке, и пару вон тех молодых сизаков.

— Ты же грозился половину конфисковать?

— Хватит, Михаил Феоктистович, я еще и сам не знаю, куда меня забросит служба государева. Таскаться с большим количеством птиц суеливо и накладно. Вот молодые краснорябые спускаются, как на параде.

— Этих давно присмотрел себе мой внук Иван, кормит, обхаживает.

— Так отдай парню.

— Отдать так не годится, мне в жизни подарком ничего не досталось. Приходилось трудиться. Пусть маленько потрет кирпич для голубей, чтобы жизнь медом не казалась. А в общем, мои годы стремительно идут под откос, ему все достанется. Больше в моем роду приставившихся охотников нет.

Рассказав эту историю, Иван Григорьевич заметно загрустил. Посмотрел на своих внуков, усердно строящих в песочнице замок. Два светловолосых мальчика, похожих на близнецов, лет пяти, уловили взгляд деда.

— Дедушка, ты же обещал сегодня нас повезти на море.

Детушев взглянул на часы и сказал прямо:

— Они правы, нам пора собираться, ведь обещал, надо выполнять.

— Вот только последний вопрос, Иван Григорьевич: у кого среди этих чудных малышей есть тяга к голубям?

— Наверное, у меньшего Ивана, иначе все это не имело бы смысла, — он обвел рукой постройку ухаживающего маетка. — Надо быть поближе к природе, она обязательно отблагодарит, подкажет смысл жизни, избавит от недугов и принесет душевный покой. Я своей жизни не представляю без этого великолепия.

"Надо же, так мало необходимо человеку, — подумал я, — для счастья и любви. Прав Омар Хайам: "Не вынашивай в сердце безумных желаний". Где-то живет эта страсть к птице и может проявиться через несколько поколений, во внуках или правнуках".

Глаза Ивана светились, он любовно усадил малышей в просторный джип и укатил в сторону моря. Ветер подул сильнее, облака сбились в кучу, небо потемнело.

Уходил воскресный день, хорошая погода и счастливый собеседник. Мне оставалось только записать эту историю и поделиться этим простым искренним человеческим счастьем.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ ОДИНОКИЙ БУНТАРЬ

Формулировка "второй московский авангард" принадлежит художнику Михаилу Гробману. Умница, всезнающий, все читающий искусствоведа и художник Сергей Князев мгновенно определил возможность переориентировать это определение и ввел в искусствоведение, краеведение понятие "второй одесский авангард".

Можно смело утверждать, что у истоков второго одесского авангарда стоял Олег Соколов. Можно и нужно помнить о зарождении группы "нонконформистов" в квартире Александра и Риты Ануфриевых. Но жест, внятный, откровенный, прозвучавший как пощечина официальному Союзу художников, был сделан двумя, тогда молодыми, художниками, навсегда вписавшими свои имена в историю искусства нашего города (а сейчас уже ясно, что всего тогдашнего Советского Союза) — Станиславом Сычевым и Валентином Хрущем. Это произошло в тот самый день, когда они в 1967 году развели на заборе вокруг Оперного театра — там шел ремонт — картины, не принятые выставкомом на официальную выставку.

"Сычик + Хрущик"... Уже нет среди нас ни Валика Хруща, ни Славы Сычева. Очень разные в то мгновенье истории, они дополняли друг друга. Сычев монументально, как скифская баба, сидел на ступеньках ЗАГСа, а легкий, моторный Хрущ бегал к телефону-автомату — звонил знакомым, звал на это немыслимое по тем временам зрелище. Но главное — не поведение художников, а картины. Что испугало в них выставком? Лирические натюрморты Хруща, женские портреты Сычева вроде бы не несли никакой крамолы. Но тогдашние вершители судеб особым нюхом чуяли, что слишком много свободы позволили себе молодые художники...

Недавно в Музее современного искусства состоялась большая выставка работ Валентина Хруща, вышел альбом, посвященный его творчеству. Станислава Сычева, его место в истории одесской живописи, еще предстоит осознать. И оценить. Этому должна содействовать и выставка, которую проводит Музей современного искусства Одессы.

Пользователи Интернета знают, что многие тексты сопровождают "теги" — ключевые слова, по кото-

рым можно найти нужную информацию. К этой я бы поставил: Бунтарь, Одиночество, Талант, Нежность и Ярость. Если кому-то покажется, что уже в этих словах есть противоречие, они будут правы. А кто когда сказал, что талант не соткан из противоречий, из бури и натиска?..

Станислав Сычев окончил Одесское художественное училище. Не все его друзья тех лет выдерживали эту муштру, многие уходили после первого, второго курса. По воспоминаниям Дины Михайловны Фруминой мы знаем, что "Сычев развивался семимильными шагами и к окончанию училища был уже вполне сложившимся художником". Окончил училище он в 1960 году. Но, защитив диплом, понимал, что в первый раз согрешил против искусства, что путь, намеченный в училище, для него — тупиковый. Уже в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов для него эталоном свободного искусства, плавной линии, насыщенного цвета стал Поль Гоген.

Помню, как-то в начале шестидесятых годов пришел ко мне в гости, на Кузнечную, Слава Сычев с поразительно красивой восточной раскраской, своей женой-корейкой. Меня, знавшего русскую поэзию, поразило вчувствование Сычева в Верлена, Бодлера, Рембо. "Цветы зла" он знал наизусть, сопоставлял этих поэтов с Гогеном, провидел свой путь в поисках неразгаданной Азии как своего Таити.

И когда в конце 60-х годов я увидел большую (по тем временам) выставку Станислава Сычева в Союзе писателей, на Пушкинской, то ощутил, насколько четко выстраивает свой путь художник. Здесь были и декоративные пейзажи, привезенные из Средней Азии, и трагические, не побоюсь этого слова, картины-предчувствия, переосмысленный опыт французских "проклятых поэтов". Это и "Бык", как бы рушащий мир корриды, и "У окна" — одиночество человека, распластанного между прошлым и будущим. Если бы можно было одним словом выразить впечатление от той выставки, я сказал бы — крик. Это не был крик с просьбой о помощи, это было предчувствие безнадежности.

Тогда, на выставке в Союзе писателей, состоялся разговор. Помню выступления Владимира Домрина, Александра Батрова. Их

испугала бескомпромиссность выставки, они уговаривали художника найти "конструктивное начало". И только Игорь Неверов спокойно произнес, что предельная искренность делает эту выставку событием, пройдут годы, и об этом вернисуясь вспомнят как о вернисаже большого мастера.

Мне запомнилось, как Сычев объяснял писателям многообразие толкований красного цвета. Тогда от него я впервые услышал об Александре Волкове, всю жизнь прожившем в Ташкенте, чью экспрессивную "Красную чайхану" Слава сравнивал с декоративной "Красной комнатой" Матисса. И это было выступление не только художника-профессионала, но и философа.

Путь Станислава Сычева был путем оппозиции к официальному искусству. Не политической оппозиции, а эстетической. Именно поэтому он участвовал во многих "квартирных" выставках. Не отказывался, если была возможность выставить свои картины в Союзе художников, более того, один раз даже состоялась выставка четырех — Алексея Лопатникова, Люсьена Дюффана, Владимира Стрельникова и Станислава Сычева. Но если выставка на заборе просуществовала три часа, то выставка в Союзе художников — три дня. Ее закрыли как "декадентскую". По словам Сычева, единственный, кто возражал против этого из членов правления, был Александр Ацманчук.

И вот, представьте себе, следующие двадцать лет — ни одной официальной выставки. И это для художника, который работал, как раб на галере, создавая за месяц до десяти картин. Нужно ли удивляться, что иногда в приступе тоски и безнадежности, в состоянии ярости он собственноручно уничтожал свои работы. Нужно ли удивляться, что с такой же частотой, как в мастерскую, он приходил в бар гостиницы "Красной", ставший в те годы местом обитания многих одесских художников... Может быть, если бы он в эти годы жил среди единомышленников, ему легче было бы переносить неустойчивость. Но так не случилось.

Сейчас, спустя годы, бессмысленно выяснять, кто в чем был виноват. Не каждый художник понимает, что его путь в искусстве не закон для других. Думаю, так

и произошло со Станиславом Сычевым, когда его товарищи не утверждали, не оплатили какую-то его заказную монументальную работу (в те годы это была чуть ли не единственная возможность заработать деньги, но одни относились к "монументалке" как к творчеству, другие как к подвальной "халтуре"). Правы по-своему были все, так как ставили перед собой разные цели. Станислав Сычев уже и по эстетическим, и по этическим разногласиям отказался от общины. Ушел в отшельничество.

Одинокий бунтарь. Как примета города, как знак времени, это восхитило многих. Но как это страшно, если представить, во что превращалась жизнь художника. Какими были его картины этого времени? Помню серию работ — около десяти — маслом, акварелью, углем — "В трамваях". Люди, униженные обществом, люди, над которыми измывается даже техника, одинокие в толпе. И ряд работ с красными флагами. Слалом среди флагов, на другой — древки от флагов, вбиваемые в землю. Почти карикатурное восприятие мира, но написано мощно, особенно "Трамвай", как всегда, цвет говорит больше, чем сюжет...

Часть из этих работ мы увидели в 1989 году на выставке в Музее западного и восточного искусства. Случилось чудо — Олег Соколов и Вениамин Млынчик предложили Сычеву за два дня подготовить выставку. То ли директор ушла в отпуск, то ли сорвалась запланированная экспозиция, то ли изменившийся в перестройку климат, важно другое: Слава привез в музей грузовик картин. Чудо состоялось! Он стоял у входа на выставку, как всегда, в лохматом свитере, а за спиной у него — три зала превосходных работ...

24 октября 1989 года я опубликовал в "Вечерней Одессе" диалог с искусствоведам Людмилой Сауленко, первый появившийся в печати материал о 52-летнем мастере. Приведу несколько абзацев из своего текста. И потому, что и сегодня мог бы подписаться под ним в целом, и потому, что вокруг этих строк у меня возник разговор со Станиславом.

"Мне кажется, что в основе живописных уроков Станислава Сычева — французская живописная школа конца XIX — начала XX века... Ведь Восток, японцы, к при-

меру, воздействовали и на постимпрессионистов. Я гляжу на картины Сычева и вижу, насколько важно было для него "переболеть" Гогеном и Тулузом-Лотреком, чтобы, осознав путь, прийти к самому себе, к монументализму и лирике, сплывшим воедино, к жесткому неприятию мира и отчаянной любви к нему же, потому что от этого мира — нравится он или не нравится — никуда не уйти.

И еще — у Сычева действительно есть литературные, культурные ассоциации. И картина "О Шекспире" — яркий пример. Но в целом, я в его живописи вижу больше обращений к миру духа, чем к миру искусства. Но вот в отличие от очень многих своих товарищей по училищу, по творчеству, он не старался создать образ "своей Одессы". У него есть Город, который ему кажется жестоким и манящим одновременно. Это не продолжение "одесской школы", а отражение его жизни, боре с тем временем, тем миром, который мы сейчас определяем как "застой"...

Поэтому повторяю: агрессивная живопись и картины-крики. Да, это не умирительное отражение красоты природы. Это столкновение личности со средой, отвергающей эту личность. Причем мне кажется очень важным еще и то, что в живописи С. Сычева откровенно присутствует мужская мощь, мужское начало. В то время как все наше искусство проповедовало под видом нравственности некую бесполость. Станислав Сычев, отнюдь не создавая эротическое искусство, внятно заявлял эту силу, которой мы так восхищаемся в живой природе".

Через несколько дней в подвале музея, в "мастерской" Олега Соколова, мы отмечали открытие выставки. Слава протянул мне газету, где были выделены эти слова. "Я скоро умру, — сказал могучий красавец Сычев, и я улыбнулся. — Не улыбайся, обещай, что в книге обо мне ты повторишь эти слова". А потом у С. Сычева были еще выставки — в том же музее, в галерее "Мост". Но все казалось, что все это только подступы к главной выставке. Тогда трудно было представить, сколько его картин разошлось по частным коллекциям всего мира. И сколько он уничтожил. В 2003 году в возрасте 66 лет не стало самого художника.

И все же приходит время собирать камни, собирать картины. Когда-то в трогательной статье о Станиславе Сычеве, о легенде вокруг его имени искусствоведа Ирина Тимохова процитировала точный афоризм Ганса-Христиана Андерсена. Позволю себе напомнить его читателям: "Трудно жить после смерти. Иногда для этого необходима вся жизнь".

Любовь ЗАЕВА Возвращение отреченных

Музею современного искусства Одессы поэтессой Мариной Лазаревой, женой писателя Родиона Феденева, из семейного архива была подарена картина художника Николая Новикова "Возвращение отреченных".

Николай Новиков — одна из легенд одесского андеграунда. Ему, обладавшему врожденными художественными способностями (он был прекрасным рисовальщиком, владевшим линией редкой выразительности), выпала тяжелая судьба.

Родился в Москве, юные годы провел в детском доме. Неоднократные тюремные заключения за бродяжничество (4 раза) не могли не наложить отпечаток на его личность и творчество.

Николай Новиков нарисовал огромное количество работ, чаще всего на бумаге тушью. Это и деформированные человеческие тела в точно схваченных эмоционально напряженных позах. Мужские и женские торсы, детские фи-

гурки и головы с выразительными глазами и нимбами. Художник часто изображает храмы, в основном, заколоченные, с покосившимися крестами и наклонными куполами. Часто встречающийся атрибут — колючая проволока: на храмах, людях, везде... Во всем изображаемом — очевидный символизм, трагедийность и часто покорность. Все тщательно прорисовано. Тонкость, строгость и точность рисунка безукоризненны — этому нельзя научиться, если человек не был изначально одарен.

Подаренная музею картина под названием "Возвращение отреченных" выполнена на многослойной фанере в желто-зелено-коричневых тонах в смешанной технике, что чрезвычайно редко для творчества Н. Новикова. Ему негде, да и некогда было работать красками, поэтому его живопись редко встречается.

В широком черном контуре изображена группа движущихся людей с нимбами вокруг голов, с простыми печальными изможденными лицами. Ничто не нарушает атмо-

сферы глубочайшей душевной сосредоточенности. Их вид печально-отрешенный, взгляд задумчив. На переднем плане картины изображена более крупная фигура человека, также с нимбом вокруг головы. Глаза написаны выразительно, сосредоточенно глубокими, почти застывшими на этом иконописном лице. Перед нами человек, всецело ушедший в невеселые размышления о самом сокровенном, познавший всю сложность жизни, горечь сомнений и разочарований. Человек чувствует себя чужим и одиноким в окружающем мире. Он познал ощущение трагической неодолимости противоречий действительности, которая напоминает о себе везде, и в конкретности фона, и в самой одежде его и других, изображенных с ним. От них веет отчуждением от напряженного ритма, они замкнуты в себе и находятся в мире глубокого и сосредоточенного размышления о своей судьбе. Очевидно, что эти образы тесно связаны с самыми личными и сокровенными переживаниями самого художника.

На заднем плане картины изображены купола многочисленных храмов, что символизирует религиозные искания, которые притягивают в храм, к вере. Движущиеся фигуры изображены идущими от храма, как будто они своими страданиями уже смыли грехи и открыли себе путь к вечной жизни. Образы изображены в строго каноническом духе. Глубокая задумчивость, смешанная с грустью, затуманена предчувствием грядущей судьбы.

В христианской традиции образ святого — символ простоты и скромности, терпения и смирения, трудолюбия. Изображение фигур на фоне храма, несмотря на то, что они обращены к нему спиной, подчеркивает их связь с миром духовным. Они вышли из церковной обители, переосмыслив свой дальнейший путь. Их лица выражают покорность Судьбе. Эти образы вырастают до эпической, почти библейской высоты. Скрытое философское, духовное содержание картины открывает нам отношение автора к людям, к миру, трактует его понимание добра и зла. Нравственная направленность произведения достаточно очевидна, не требует особого анализа.

На обратной стороне картины обнаружен следующий текст: "Новиков Н.Я. 21 августа 1935 года

рождения г. Москва, вечный бродяга, бывший детдомовец города Казани, сидел в малолетке 3 года и взрослая тюрьма 5 лет, неудачный художник. Прошу тебя, друг, если меня не уважаешь, уважай наших работяг славян. Да вечно живет твоя семья и гордость русского народа".

При изучении этого произведения возникла необходимость идентификации даты написания работы. Как указывалось ранее, в тексте на задней стороне картины написано, что автор провел к этому времени в тюрьмах 5 лет. Из анализа материалов уголовного дела Николая Новикова следует, что это соответствует моменту выхода на свободу после третьего заключения в августе 1980 года, так как через несколько месяцев Н. Новиков был осужден вновь за бродяжничество еще на один срок (1 год и 6 месяцев). Поэтому можно утверждать, что работа написана в августе-октябре 1980 года.

Н. Новиков считал своей особенностью бездомность как принципиальный и эпатажный образ жизни. "Отклоняющееся поведение" было стилем его жизни. Возможно, такое поведение позволило ему войти в местную мифологию и даже в историю искусства города Одессы.

Ян ЖЕЛЕЗНЯК

ЕСТЬ ЧТО ВСПОМНИТЬ

В жизни каждого человека наверняка происходят такие события, о которых всегда интересно послушать. Не зря кто-то из великих как-то изрек, что жизнь любого человека — роман, но не на всех есть свой Шекспир. Или что-то в этом роде. Во всяком случае, я убежден, что если по жизни ты, с божьей помощью, занял активную позицию, то у тебя и череда всевозможных интересных событий чаще, и есть что рассказать, ничего не придумывая.

Эта история произошла в уже очень далеком 1966 году, когда мне выпало счастье в составе сборной команды СССР впервые попасть на чемпионат мира в Федеративную Республику Германии. Это была моя первая поездка в капиталистическую страну. А в те далекие и очень необычные годы подобное событие было нечто особенное.

Тогда каждый гражданин, выезжающий за рубеж нашей необъятной и очень политизированной Родины, считался потенциальным изменником, и поэтому проходил очень строгий контроль на верность. Проверялось все — от родословной до многоликого морального облика.

Заверялась подобная гарантия верности — партийной, профсоюзной и административной — печатями, и с объемным пакетом всевозможных анкет.

Счастливые обладатели положительного решения формировались в делегацию, руководство которой усиливало никому не известными, но всевидящими людьми в штатском, которых остерегались и "которых знали только в лицо", на одну, возможно, и последнюю в жизни поездку за границу.

После достаточно объемных инструктаж по правилам хорошего тона, включающих умение вести себя в общественных местах, умение пользоваться многочисленными столовыми приборами, умение правильно принимать пищу, одеваться, соблюдать правила гигиены "и прочая, и прочая", мы были осведомлены о возможных провокациях. Провокациях как со стороны эмигрантских организаций, так и со стороны иностранных разведок. Мы должны быть готовы достойно противостоять всей этой напаст.

Ведь мы как-никак становились представителями Великой страны, очень отличающейся от всех и, как нас убеждали, в лучшую сторону. Мы становились ответственными носителями нашей коммунистической идеологии, нашего социалистического образа жизни, всего того, о чем так мечтают народы других стран.

И мы несли, часто попадая в довольно абсурдные комические ситуации.

Немцы проводили прекрасный чемпионат. Спонсоры не жалели денег на великолепные призы, которые приводили в недоумение наших чемпионов. Дело в том, что в те годы для советских людей пределом мечтаний были сказочные и недоступные для нас тогда еще бобинные (в отличие от будущих кассетных) магнитофоны знаменитых фирм "Грюндиг" и "Телефункен". Никто и предположить не мог, что через какое-то время видеопродукция начисто сметет в небытие эти аудиосказки. Но тогда... Тогда для всех нас они были как бы символом недоступной цивилизации. А тут их вручали за вторые и третьи места. За первое место, к гордости организаторов, дарили удивительные фарфоровые, хрустальные и прочие раритеты. Одному из наших чемпионов досталась огромная тарелка, другому громадная ваза, третьему фарфоровый конь размером с немецкую овчарку. Эти прекрасные призы, больше похожие на музейные экспонаты, были очень дорогие и вызывали восторг и зависть у всех окружающих, но не у наших чемпионов. Они хотели магнитофоны.

Ну, не работало тогда в сознании многих советских людей понимание

реальных ценностей. Шальная мысль: а почему я не занял призовое грюндиг-телефункенское место? — нет-нет, да и посещала непрактическую голову. А тут еще и подначки неудачников соревнований. А что тем оставалось делать? Только шутить.

Когда мой всегда слегка угрюмый товарищ, более старший по возрасту Володя Веселов (его имидж абсолютно не соответствовал его фамилии) выиграл золотую медаль в стрельбе по "бегущему кабану", самому немецкому виду стрельбы, ему на пьедестале почета вручили удивительнейший и, наверно, самый роскошный приз — старинную фузею. Это было ружье с громадным раструбом на конце ствола, с изумительной инкрустацией и резьбой, в великолепном состоянии, как будто ее только-только изготовили. Это было настоящее произведение искусства, вызывающее всеобщее восхищение.

Но мы же советские люди!

Переговоры с прикрепленным к нам местным переводчиком проходили как бы в режиме секретности от идеологического руководителя нашей делегации. Последствия могли быть очень плачевными для нашего спортивного будущего. И не только спортивного.

Немец-переводчик никак не мог понять, почему эти непредсказуемые русские хотят заменить очень редкий и ценный приз на элементарную радиотехнику, которой полно в магазинах. Нет! Не дано им нас понять! Да и нам сегодняшний смех за нас тех, чуть недоразвитых и хорошо закомплексованных.

Тем не менее, я все же сделал робкую попытку уговорить Вовку оставить себе фузею. Память как-никак.

— А на хрена она мне? На стенку вешать?

Вопросы отпали, когда переводчик с виноватым видом принес очень крупную для нашего понимания сумму денег, повергнув в замешательство чемпиона. Это уже было на грани фола и пахло серьезно наказуемой так называемой валютной операцией.

— Нам не деньги нужны, а магнитофон, — попытался спасти ситуацию Вовка.

— На эти деньги вы купите себе любой магнитофон. И не один, — парировал переводчик, чей виноватый вид годы спустя мы объяснили не совсем реальной ценой, вырученной за фузею.

Но тогда эта непривычная масса валюты больше пугала хозяина, чем радовала. А внутренний голос требовал быстрее от нее избавиться, от греха подальше.

— Завтра едем за покупками.

Чтоб никто не знал. Только ты и я. Хорошо, что ты еще можешь кумекать по-ихнему, — явно польстил мне Вова.

Соревнования проводились в очень известном городе-курорте Висбаден. Команды стран-участниц размещались в разных гостиницах.

Нам повезло. Наша команда жила в изумительно красивом месте в горах за городом, куда вела одинокая автодорога без тротуара, серпантинном лежащая между обрывом и скалами, густо заросшими всякой зеленью, от громадных деревьев до ягодных кустов и густой травы, среди которой то тут, то там появлялась разная непуганая живность: кабаны, косули, фазаны. Тишина, покой, пение птиц создавали впечатление, что мы попали в какой-то природный рай. И имя ему было Шлягенбад. Это слово я запомнил надолго.

Прелестью этого места, а для нас, скорее, недостатком, было то, что до ближайшего магазина можно добраться только на машине. Но за нашей командой был закреплен микроавтобус, который возил организованные группы на "отоваривание" в город, и в определенное время с определенного места — назад.

Соревнования закончены. Голова свободна. Завтра самолетом домой. Набив до упора автобусик, нас,

одетых, "как положено", в пиджаки и галстуки, повезли по серпантину в город мимо одиноко стоящей на полпути гостиницы "Вальдфройнд", где жили спортсмены Германской Демократической Республики (ГДР), страны социалистического лагеря, которую здесь не любили и называли Восточной Германией.

Нас везли туда, где мы окунулись в неведомый для советского человека мир изобилия.

Глаза разбегались от многообразия увиденного. В голове усиленно работал счетчик: как правильно потратить наши скудные карманные деньги, чтобы всем родным и близким сделать заветные заграничные подарки, никого не обидеть. Все на это время становились мини-экономистами с единственной целью — как свести концы с концами. Все, кроме одного.

Вова не знал, на что еще можно потратить оставшуюся сумму после покупки роскошного "Грюндига" со всеми причиндалами. Уже в больших пластиковых пакетах лежали свитера и кофточки, пальто и безумно модные нейлоновые плащи "Болонья", туфли и женские сапоги, рубашки и галстуки. А деньги еще оставались. Везти их обратно нельзя. Если их обнаружат на таможене, — неприятности гарантированы. При чем серьезные. Вот такими несуразностями мы были тогда окружены.

Я, как верный Санчо Панса, помогал таскать все эти торбы из магазина в магазин и там с горем пополам хоть как-то переводил с английского и обратно. Но деньги не кончались.

Как назло стояла жуткая жара. Из-за сумок и пакетов, которые перемещались вместе с нами, нас самих уже не было видно. От тружеников-"челноков" конца XX века и жителей курортного города Висбаден мы явно и слишком четко отличались наличием пиджака, галстука и уже прилипшей к потному телу еще белой рубашки. Обязательные атрибуты внешнего облика советского человека за рубежом.

Я с нетерпением поглядывал на часы, как бы подгоняя стрелки ко времени отхода автобуса. Но оно так же медленно таяло, как и деньги в Вовкином кармане. Вот несурзница! Почти все страдают от нехватки денег, а некоторые — наоборот. Это надо же!

— Все! — прервал мои мысли Вовка, победно держа в руках самостоятельно купленную немецкую бутылку водки с родным названием "Пушкин". Смотри! И переводчик не понадобился.

— Все! — продолжил Вовка. — Едем в гостиницу! Там и обмоем покупки.

— Еще больше часа до отхода автобуса, — устало и без энтузиазма произнес я.

— Какого еще автобуса? Ты что, хочешь, чтобы нас увидели с этим количеством шмукток? Ты что?! Заложат вмиг. И пиши пропало. Не увидишь ты больше ни сборную, ни заграницу. Едем на такси. Тем более что со всем этим мы просто не влезем в автобус.

— А ты хочешь знаешь, сколько это будет стоить?

— Я оставил десять марок. Хватит. Еще останется.

— А вдруг нет?

— Ерунда! В прошлом году в Каире нас из аэропорта везли. Копейки! А там намного дальше было.

— То Египет, а это Германия.

— Один черт. Заграница.

— Вова! Мы рискуем "влезть в говно".

— Что ты боишься? Ты только поймай такси и объясни по-ихнему, куда ехать. Дальше мои заботы. Я угощаю. Представляешь? Наши тут за копейку удавятся, а ты по Европе на такси. Едешь себе, обозреваешь просторы. Будет что вспомнить!

Сказано — сделано! Усталость вмиг пропала, когда мы грузили наш многочисленный багаж в роскошный красавец "Мерседес", проехаться на котором не могли и мечтать сотни миллионов наших соотечественников в те годы. Да еще и по таким дорогам!..

Предвкушение необычного приятного волновало. Володя, хозяин положения, важно уселся на заднем сидении с остатками багажа, не поместившимся в багажнике, и смачно закурил недоступные в СССР сигареты "Кэмэл". Я, с выданными мне десятью марками в кармане, как переводчик сел рядом с водителем и изрек:

— Шлягенбад!

— Гуд, — сказал водитель и включил счетчик.

Я обомлел. На счетчике сразу высочила цифра два с двумя нулями. Мы еще не тронулись с места, а уже должны две марки. Две марки дефицитнейшей иностранной валюты!!! Нет! Нам этого не понять. Как еще много тайн в их цивилизации...

Состояние радостного предвкушения приятной поездки как-то резко повернуло свой вектор. Я с нарастающим волнением поглядывал на счетчик, на котором немецкие копейки, пфенниги, закрутились просто с неприличной скоростью. И ежу ясно — денег не хватит.

Я повернулся к Володе и произнес:

— Во-о-ва-а!

Вова молчал. Он уже не был важным, а как-то даже сжегился, уставившись в окно.

— Во-о-ва-а! Ты что, обозре-ваешь просторы? Что будем делать?

— Ничего не знаю. Ты по-ихнему кумекашь, вот и придумывай.

Теперь я окончательно понял — выкручиваться из этого г* должен только я. Ну и ну!

Что ж? Быть Александром Матросовым нам не привыкать.

Мысль лихорадочно стала искать спасительные варианты. Приехать в гостиницу и там одолжить денег? Нет. Это бесполезно. Во-первых, ни у кого их уже нет. Все потрачено. Во-вторых, это расскретить себя, а значит, подставить Вовку. Может, вернуться и поехать автобусом? Бред. Во-первых, снова подставить Вовку, а во-вторых — и обратно уже денег не хватит. Во, попали!

Мы едем по серпантину. На счетчике восемь марок, а мы не добрались даже до половины дороги. Мысль вертится стремительно, а счетчик еще быстрее. Что делать?

Вовка совсем потерялся на заднем сидении. На него сейчас никакие надежды. Думай, Железняк, думай! Мы здесь представляем великой державы. Нам нельзя оплошать.

На счетчике девять марок! Это какой-то кошмар. Рука сжимает в кармане единственные десять марок. Наш позор катастрофически приближается. Безлюдный серпантин дороги с редкими, но быстрыми встречными машинами, сделал свой очередной изгиб и...

Перед нами, как оазис в пустыне, как островок в море, неожиданно появилась гостиница "Вальдфройнд", наш изумительный шанс.

— Стоп!!! — полупрошевел, полупростонал я.

Водитель резко затормозил и очумело поглядывал на меня. До конца поездки было больше половины!

— Приехали! — выдохнул я.

На счетчике — девять марок девятью пфеннигов!

Водитель что-то стал спрашивать по-немецки, но я расслышал только одно слово: "Шлягенбад". На понятной только мне смеси англо-немецко-русского языка я объяснил непонятливому таксисту, что Шлягенбад — это направление движения, а нам нужен "Вальдфройнд". И вообще, я плохо знаю язык. Дал ему смятые десять марок и всем своим видом показал, что сдачи не надо.

Ничего не понимающему, но благодарному молчащему Вове я тихо, но жестко сказал идти, не оглядываясь, в гостиницу. А сам уже планировал, что с дружественными нам по социалистическому лагерю спортсменами ГДР, которые живут в этой гостинице, мы легко договоримся, и они нас выручат. Надо только, чтобы таксист уехал.

Груженные по самые уши нашим добром, пошли мы с видом людей, которые здесь давно живут и очень хорошо все знают.

Не знаю, что о нас подумал водитель, но он долго смотрел нам вслед, не уезжая.

Впереди идущий Вовка, как назло, не сообразил, в какую дверь идти, и мы вместо дверей гостиницы ввалились со всем скарбом в соседнюю дверь небольшого тихого и очень уютного ресторанчика, ошарашив своим явлением четырех аккуратненьких пожилых немцев, мирно сидящих в углу за столиком.

Вовка, как всегда, "благоразумно" пропустил меня вперед пред доброжелательно-вопросительные очи местных завсегдатаев. Ну, что за день? Опять надо спасать ситуацию.

— Во-о-ва-а! — не оборачиваясь, полупрошевел я. — Таксист уехал?

— Стоит, гад.

Так! Назад путь отрезан. Уж очень не хочется попадать под ироничный взгляд таксиста.

Надо что-то говорить. Немцы ждут. Пауза слишком затянулась. И я начал с вопроса. Но то ли от волнения, или все же от слабости моего английского (да и эти немцы, видно, тоже не большие его специалисты), я неправильно составил предложение, и вместо "Здесь живет команда ГДР?" спросил, а немцы поняли: "Здесь ГДР?"

Реакция была молниеносной. Они все вскопили так, как будто к их удобному креслам подвели электричество. Им, для которых страна ГДР была символом зла больше, чем СССР. Страна, которая до войны была частью их родины, а теперь, по их мнению, большой концентрационный лагерь. Им страшно подумать, что здесь может быть ГДР.

Взволнованные четыре пожилых немца подняли такой шум, что я с трудом услышал сквозь крики "Найн! Найн! Бундесrepublik! Найн!" спасительное:

— Таксист уехал.

Мы, мокрые, взбудораженные, но радостные, вывалились на улицу, оставив пожилых людей дальше горячо обсуждать подаренную нами ситуацию и политические проблемы двух Германий. Была бы тема.

У нас, к сожалению, она тоже была.

У портье гостиницы я узнал, что дружественные нам стрелки ГДР сегодня утром уехали домой. Это был очередной мини-шок удивительного дня. Последняя надежда таяла.

— Идем пешком! — прозвучал неожиданное решительно голос Володи.

— Как пешком? Со всем этим барахлом, и по горам?

— Нет. По дороге.

— Как по дороге? Нас задавят на первых же метрах. Там категорически нельзя ходить.

— Ерунда! Несколько километров по свежему воздуху — и мы на месте. Знай наших!

— Вова! Это несколько километров риска. Немцы, если нас не задавят, просто обалдеют. Примут за сумасшедших или самоубийц.

— Пусть привыкают!

Та решительность, которой недавно ему так не хватало, лавиной компенсировалась в эти минуты.

— Вова! Давай подумаем.

— Нечего думать. Идти надо. У тебя есть варианты? Нет. Тогда вперед! Хоть будет что вспомнить.

Будет что вспомнить не только нам, но и тем немцам, которые в это время ехали по этой дороге. Вы бы видели их лица! Когда на отличной машине по идеальной дороге на хорошей скорости они спокойно выкручивали из-за очередного витка серпантинна, неожиданный вид двух странных созданий в пиджаках и галстуках с нелепым количеством кулчков, пакетов, коробок, идущих с бравыми песнями вдоль отбойника у обрыва, заставляя всех без исключения водителей неистово вцепиться руками в руль при абсолютно круглых глазах, отвисшей челюсти, резко тормозить или шараться в сторону от этой процессии.

Такое они, привыкшие к идеальному порядку во всем, не могли представить себе и в страшном сне.

А мы, добросовестно и с вдохновением исполнив весь репертуар известных нам советских песен, безумно уставшие, но счастливые, примерно через час ввалились в свой номер.

И в сказочной тишине райского места под названием Шлягенбад услышали, как подъехал автобус с нашими ребятами, которым, если верить Вовке, и вспомнить будет нечего.

"Славянские традиции"

Так уж устроен человек творческий — как воздух нужны ему дороги, новые впечатления, новые лица. Такая встреча, встреча на фестивале была просто необходима литераторам России, Украины и Белоруссии, несмотря на то, что существует множество различных фестивалей и в России, и в Украине, и в Белоруссии. Само название "Славянские традиции" определило характер, направление и задачи этого фестиваля.

Да и место, где он проходил, выбрано очень удачно. Крымская земля обладает невероятным магнетизмом сама по себе: море, солнце, горы... Помимо этого Крым давно снискал себе славу литературной Мекки: стоит только произнести несколько имен... М. Волошин, А. Грин, К. Паустовский...

Вот и собрались в крымском городке Щелкино, на мысе Казантип, с 25 по 29 августа финалисты, участники и почетные гости Первого международного фестиваля "Славянские традиции". В конкурсе, который проходил в рамках фестиваля, приняли участие литераторы из 11 стран мира. Россия, Белоруссия, Украина, Казахстан, США, Бельгия, Норвегия, Израиль, Эстония, Чехия...

В состав жюри вошли: Юрий Поляков, редактор "Литературной газеты", сценарист, прозаик; Сергей Казначеев — доцент Литературного института им. А.М. Горького; поэты, на чьих произведениях выросли многие участники фестиваля, —

живые классики Евгений Рейн и Владимир Костров. Украинскую сторону жюри представляли председатели областных отделений Конгресса литераторов Украины Валерий Басыров (АР Крым), Сергей Главацкий (Одесса), Станислав Бондаренко (Киев), председатель Межрегионального союза писателей Украины Владимир Спектор.

Отдельно хочется сказать об Ирине Силецкой — поэте, музыканте, певице — организаторе фестиваля. Именно Ирина вместе с Юрием Григорьевичем Капланом долгое время вынашивала идею создания такого действа. Вот только не суждено было Юрию Григорьевичу дожить до этих солнечных августовских дней... Он был убит за 42 дня до открытия "Славянских традиций". Песню памяти Поэта, которую написал и исполнил поэт и музыкант Анатолий Лемыш, зал слушал стоя...

Трудно выделить сейчас наиболее яркий, запоминающийся день — все они были неповторимы, щедрны на встречи, события... Посещение Литературно-художественного музея в поселке Старый Крым, Дома-музея К.Г. Паустовского и Дома-музея А.С. Грина, того самого, где писатель провел последние свои дни... Посещение старокрымского кладбища, где похоронены А.С. Грин, Н.Н. Грин, А. Каплер и Ю. Друнина, Г. Петников... И, на первый взгляд, вполне обычная, но очень важная деталь: экскурсии по Дому-музею

А.С. Грина и на Старое кладбище провела директор музея Ольга Байбородская. После ее рассказа, думаю, многим захотелось прийти сюда, но уже в одиночку, присесть на одну из ступенек, ведущую в дом, или на скамейку у входа и переосмыслить всю свою жизнь.

После всего увиденного и услышанного жить по-прежнему уже невозможно. Не у всех, но у многих, поверьте, в глазах стояли слезы — так проникновенно рассказывала Ольга о судьбе Грина. И мне подумалось, может быть, не все так плохо у нас, если мы еще не разучились плакать, сострадать и сопереживать. Осталось только научиться делать это вовремя, — то есть при жизни...

Каждый новый день приносил с собой что-то новое, интересное, неизведанное... Таким был день, когда состоялась поездка в Севастополь, экскурсия по городу, пресс-конференция с участием властей города и местными литераторами. Таким был день, когда состоялась поездка в Феодосию, где находится совершенно уникальный Дом-музей А.С. Грина — дом-корабль, поднявшийся на борт которого, посетители попадают в удивительную страну, созданную писателем-романтиком и бережно хранимую руками и сердцами людей неравнодушных, — в Гринландию.

Здесь же в одном из залов экспозиция рисунков Нади Рушевой —

девочки, невероятный дар которой вспыхнул яркой звездой на рубеже пятидесятих и шестидесятих годов прошлого века. Вспыхнул и... погас. Но осталось более десяти тысяч рисунков.

В музее и картинной галерее И.К. Айвазовского поэты читали свои стихотворения о морской стихии, и казалось, что полотна кисти великого художника оживают. Здесь же посмертная маска художника и слепок с его руки, перед которым хочется задержаться надолго. Самая обычная человеческая рука, ничем не отличающаяся от других... Но какая божественная сила таилась в ней! Ею созданы полотна, которые входят в сокровищницу шедевров мировой живописи...

И за исключением немногих на всех полотнах Бог его, кумир, источник вдохновения, без которого жизнь его была бы пуста и ничемна, — море. Тревожное, почти черное и спокойное, ласковое; довольно часто встречающийся сюжет — кораблекрушение... Какие думы одолевали мастера, какие грезы?..

Но вернемся к фестивалю. Мастер-классы, проводимые Юрием Поляковым и Сергеем Казначеевым (проза), Владимиром Костровым и Евгением Рейном (поэзия), стали одним из самых незабываемых событий фестиваля. Также в рамках фестиваля были проведены состязания поэтов — поэтризм, которые Юрий Поляков предложил в дальнейшем именовать "стихоборьем".

Прошли чтения поэтов и прозаиков на призы зрительских симпатий — зрителям предстояло выбрать лучших, на их взгляд, из финалистов, вошедших в шорт-листы. А подведение итогов конкурса и награждение победителей состоялось 28 августа. Из 18 призовых мест — шесть заняли одесситы: три призовых места в основной номинации "Стихотворение на свободную тему" (Людмила Шарга, Алена Щербакова, Евгения Красноярова — соответственно первое, второе и третье места), первое место в номинации "Малая проза" (Александр Леонтьев), второе место в номинации "Стихотворение по библейским мотивам" (Алена Щербакова), второе место в номинации "Литературный перевод" (Ольга Ершова). Победители были приглашены на ежегодный литературный Волошинский фестиваль в Коктебель для выступления на одном из поэтических вечеров вместе с членами жюри "Славянских традиций".

Четверо победителей являются членами Южнорусского Союза писателей (Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины), который возглавляет поэт Сергей Главацкий. Но не все одесситы, к сожалению, смогли приехать на фестиваль. Поэты Сергей Нежинский и Анатолий Яни тоже вошли в шорт-листы конкурса, но в силу уважительных причин на награждении не присутствовали.

Людмила ШАРГА

Алена ТИЩЕНКО

Пасадобль

Ну что, станцую пасадобль с тобой, мальчишка,
Не причиняй напрасно боль —
душа не фишка.
В восторг крапленого огня
меня пускаешь.
Хоть ни расклада, ни меня
пока не знаешь.
Поруки круг, как фуэте...
Раскрой объятья.
Но разбежалось варьете,
сбежалось платье.
Стирать не надо бы в горячем
шелк не терпит,
от перфокарты для незрелых
пальцы терпят...
Завьюжит в танце канитель

мороз и стужа,
замерзло сердце... А в постель
ты мне не нужен.
И развернется светотень
вполоборота,
бредовой яви канитель —
гуляй, голота!
Ну, что так медленно, танцор,
уснешь же стоя!
Какой пассаж! Какой мажор!
Откуда хвоя?
Ах да, ведь праздник на дворе,
иль мне приснилось?
И все, что будет в январе,
уже случилось?
Бессвязно гаммы заиграл
тапер беспальный,
похоже, классно погулял...
он славный малый.
Меня в отбой, как туз червей
крапленный, сбросит.
Гарсон, ну, где ты там?! Налей,
опять морозит...

Мне плевать...

Мне плевать, что столярка не крашена тысячу лет, а на стенах обои побелены чем-то зеленым. Мне плевать, что на важный вопрос не получен ответ, и на кухне удушливо пахнет картошкой паленой. Мне плевать, что я еду все время на красный сигнал, и бензин на нуле, и колодки скрипят тормозные.

Мне плевать, кто и что про тебя мне сегодня сказал, потому что люблю я до боли глаза голубые. Мне плевать, что в газетах не пишут о нашей любви, и жилищный вопрос не решается — это непросто.

Задохнусь...

Обними очень нежно, а после сожми...

На стене наконец-то повешу новехонький постер, на котором слоны и дельфины... и много конфет, разноцветные фантики нежно-лилового цвета.

Я тебя полюбила когда-то.

Прошло много лет, но на главный вопрос до сих пор я не знаю ответа.

Амбивалентность

Я путешествую во времени...

В ночи — кричи, иль не кричи, а все без толку. Складирую, как прежде, кирпичи на ветхую, разломанную полку.

Шурупы молотком вбивать в бетон пристало (не обидеть бы) блондинкам.

По радио прокуренный шансон, а за окном зима, и в сердце льдинка врежется, терзает острием и без того израненное сердце, а мы с тобой о чем-то там поем, подглядывая в щелочку у дверцы, которая скрипит не первый год, а петли смазать духу не хватает.

Голодный и промокший в луже кот так жадно из нее же и лакает.

И дождь идет, а может, это снег? В усталости порой не разбираю, куда бегу, кому из века в век я письма счастья тупо отправляю.

Проклятый сплин, дешевое кино, в бокале пойло розового цвета, кричать охота, распахнув окно: "Ну где же ты, ну где же ты, ну где ты!"

Напрасен труд, напрасные слова...

И праздники ножом на горло давят, но я жива, пока еще... Е-2.

Едва...

В церквях рождение Бога славят.

Елена НАМИНСКАЯ

Я играю с огнем. Я опять со стихией играю.
Похищаю огонь с озверело ревущих небес.
Восковая свеча оплыла, но гореть продолжает.
На конце фитиля пляшет маленький рыженький бес.
Я играю с огнем, не придавлена гневом небесным.
Я играю с огнем, не надломлена гневом земным.
Я играю с огнем — с озорным, неуживчивым бесом.
И пускай хоть потоп — все равно не расстанусь я с ним.
Этот маленький бес девять муз заменяет собою,
Вдохновенья исток, добродетель, порок и урок,
Воедино сливается с легкой моею душою
Осветитель дорог — и грозиящий погибелью рок.
И теперь у меня нет уже варианта второго.
Коль играть начала — будь добра до конца доиграть.
Ставлю твердой рукой на бумагу горячее слово,
Словно фишку на жизнь. Жребий скажет, когда умирать.

Алена ЩЕРБАКОВА

Пятнадцать минут из смерти пианино

Сегодня день моего рождения пришелся на День смерти пианино. Мы встретились на восточном перекрестке.

Те, кто вынес его из подъезда, поспешили освободить комнату на втором этаже кирпичного дома. Теперь мы стояли друг напротив друга, я и инструмент, — черный с красноватым отливом, с медным изгибом рук-подсвечников и резьбой в две линии на элегантной шее.

Я подошел, поднял крышку и дотронулся, медленно провел вдоль белого с черным порога... Инструмент был настроен, западала только одна клавиша.

Среди моих друзей не было тех, кому было бы нужно пианино. Давать объявление бессмысленно, и даже если нанять грузчиков и перенести его в безопасное место, — не успеть. Если его вовремя не найдут, ему осталось звучать еще час-два: после ласковых и тонких рук, извлекающих из его сердца музыку, и бархата тряпич комнаты, не дающих ему покрыться пылью, после

стеарина и воска здесь, на улице, охочие до разрушения мальчишки будут лупить по нему ногами и бессмысленно выламывать ребра и нижнюю панель с круглыми стопами-педалями, бомжи разберут корпус на доски для топки, а предприимчивым сантехникам пригодятся струны между молоточками, ими удобно чистить сточные трубы; и на его развороченное уже не чувствующее боли чрево будут любоваться зеваки, а кто и с силой колотить по клавишам, и все это на верняк, как принято в цивилизованном обществе, вызовет бурное коллективное веселье.

И музыкант слишком отчетливо слышит вещи. А это пианино знало такое... оно было свидетелем целой эпохи... Сначала оно было деревом, потом, после войны, на нем учили играть ребенка, красивые мужчины и женщины говорили ему о странствиях, о любви и об одиночестве, а иногда целыми вечерами танцевали танго, и мало ли что он видел...

На этой мысли меня оглушила об-

Я отдам себя без остатка,
Растворюсь в осиновой дрожи.
Я порву пути неги сладкой
И проснусь бодрей и моложе.
И дождинка, упав случайно,
Всколыхнет уставшую душу
И откроет страшную тайну,
Что умею я вечность слушать.

Древний Восток, новая жизнь,
шлягеров старых мотивы,
Словно клубок маленьких змей в мозге моем сплелись.
Лишь монитор передо мной глазом моргает игриво,
Манит в себя — так в зеркала Кэрролл манил Алис.
Лишь монитор передо мной, мышка под правой рукою.
Сделай лишь "клик" — и попадешь в новый загадок мир.
Что меня ждет — библиосайт или игра с Сатаной,
Знает лишь он — новый мой бог, мой неживой кумир.
Стоит ли мне преодолеть тайную власть монитора
Или себя в жертву отдать, в сайтах ища свой рай,
Позже решу. Ну, а пока — ...мышкой щелчок,
как затвором.
Полный вперед! Ссылка зовет! Люди, пока. Гуд бай.

рушившаяся тишина, восходящая к верхнему регистру и сменявшаяся невыносимым звоном, — я больше не мог слушать его, меня начало мутить, я повернулся и побежал прочь. Погрузился в машину, и стартанув со второй скорости, помчался в студию, где меня давно ждали на репетиции.

Пятнадцать минут в пути, безуспешно подавляя в себе боль и преследующий гул, на Преображенской, прикинув, сколько в канистре осталось бензина, я медленно развернул машину и постепенно набирала скорость, минуя светофоры, шел уже на двухсот по направлению к злополучному перекрестку — инструмент знал меня, и я уже знал, что нужно сделать для него.

У ограды я затормозил, припарковался, повернул ключ зажигания и проверил ручник. На перекрестке по-прежнему никого не было. Но я не видел пианино... Огляделся, убедившись, что ни инструмента, ни его останков нигде нет. Видно, провидение позаботилось о нем лучше.

И, нашивая в кармане спички, которые я всегда держал при себе, закурил...

Игорь ПОТОЦКИЙ

МАРИЯ

Мария Кортес — одна из самых красивых женщин, встреченных мною в Мексике. Женщина Тихого Любования, потому что здесь открыто любоваться женщинами не принято, к тому же замужними женщинами, но я смотрю на Марию, и мне кажется, что у меня не хватит времени налюбоваться на ее лунно-солнечное лицо, великолепную фигуру, тонкие пальцы, и у меня в груди перехватывает дыхание, а она мимолетно улыбается мне, словно не догадывается о своей красоте или делает вид, что до нее, своей красоты, ей нет никакого дела.

Я пришел к ней с Марио Леосом, поэтом и архитектором, давно уже влюбленным в Марию Кортес, но она его не любит и говорит: "Только без влюбленных вздохов, Марио, ты не представляешь, как они мне надоели. И не такое у меня настроение, чтобы им поддаться".

Леос тяжело вздыхает и обещает посвятить Марии грандиозную поэму, самую грандиозную из тех, что написаны в городе Вильяэрмосе.

Мария рассказывает мне о своем муже — Вечном Неудачнике, совсем не имеет значения, как его зовут на самом деле. Ему бы только сидеть в баре и трепать языком. И всем говорить, какая у него красивая жена, будто он открывает какую-то тайну, а на самом деле ему все равно, о чем говорить: он любит тараторить без умолку, а красивая жена — только предлог.

Тут Леос не выдерживает и бормочет: "Какая же она красивая!" — но Мария его не слушает, а продолжает свой рассказ. И в этом рассказе, как в сонате, возникает главная тема — Тема Отчаянья, и глаза Марии Кортес темнеют, будто внезапно наступила ночь, но солнце продолжает жалить своими лучами, а в сонате пробуждаются побочные партии, но все они о Вечном Неудачнике, неказистом мужичонке, но Мария его любит, лелеет, ей кажется, что он проснется от спячки, отринет свою пустопорожную болтовню и сделает Великое Дело, на которое, как ей кажется, он способен.

Леос снова выкрикивает: "Какая она красивая!" — но Мария просит меня, а глаза ее опять светлеют, не обращать внимание на мужчину-попугая, а я, не дотрагиваясь до ее слов, киваю своей седой головой, мне хочется сказать нечто мудрое и значительное, быстрое, как афоризм, но я не нахожу достойных слов, а просто люблю Марию Кортес, не в силах перенести свой взгляд даже на книги, которых множество на полках, а ведь обычно, приходя в чужой дом, я устремляюсь к книгам, словно ничего другого меня в этой жизни не интересует. Я читал нескольких мексиканских писателей, самым блестящим из них является Фуэнтес, но сейчас их произведения не выходят из меня наружу, не расходятся кругами по воде, ведь меня интересует только Мария, Мария, Мария и никто больше, но тут мне вспоминается, что о Марии, пусть и другой, написал свое "Облако в штанах" Владимир Маяковский. Я видел предисловие Троцкого к одному из парижских изданий "Облака", а Троцкого в Мексике все знают.

Я мог бы рассказать Марии об этой поэме, легкой, как облако или как улыбка самой Марии, но я боюсь, что буду путаться, подбирая испанские слова, а делать ничего подобного не следует. Больше всего я боюсь, что Мария спросит меня, почему я смотрю на нее таким Пронзительным Взглядом, отнюдь не благонаправным, а я стану сутулиться под отведенным лепетанием, как ветки дерева манго под бесчисленными плодами, сразу покраснев, как часть неба возле заходящего солнца, а она громко рассмеется, но не надо мной, а потому что не сможет сдержать своего смеха, который долго копился, но вот прорвался наружу.

Она, без сомнения, знает, что вызвала во мне молодость — ту самую, когда я писал, не задумываясь, записки девушкам с брызгами своего сердца, а они далеко не всегда на них отвечали, но я писал и писал, словно заполнял страницы несуществующего дневника. И сейчас я чувствую, что пишу записку Марии, но только ей, никому больше, и слова берутся из ниоткуда, строятся в колонны, маршируют по узеньким улочкам Вильяэрмосы, находящимся в самом центре, а впереди идет знаменосец, и на полотнище знамени выткано "МАРИЯ". А я стараюсь от него не отстать, а навстречу нам идет всамделишная Мария, улыбаясь, прощая мне, что я попал под обаяние ее красоты, но не говоря, что я далеко не первый и не последний это сделал. Тому пример поэт и архитектор Марио Леос, бормочущий свое новое эротическое стихотворение.

Марии нравится ощущать, что я от ее красоты схожу с ума (так и есть на самом деле), и походка ее означает приказ сдаваться (я ему подчиняюсь). Она спрашивает меня о Черном море и удивляется, когда я говорю, что оно отнюдь не черное, но все равно название оправдано, потому что мой город, да и другие города на Черном море, когда-то испытали много горя, вот и стали тогда волны черными, как вороны, но потом тьма отхлынула, и вновь стал господствовать небесный цвет.

"Мария, — говорю я мысленно, — давай пройдемся по Вильяэрмосе, по набережной, уводящей от повседневности, спеша в Новую Действительность, где над нами будут летать совы с человеческими лицами с картин Модильяни". Как сладостно говорить Такие слова Марии, хоть она их и не слышит, но меня, скорее всего, выдает дрожание ресниц, которые мне невозможно удержать в равновесии, а мои ладони вспотели, потому что хотят ласкать удивительное тело Марии, но я знаю, что, увы, этого никогда не случится, потому что я сдрейфил и не смогу никогда вслух сказать, что я чувствую.

— И я чувствую! — говорит, улыбаясь, Мария. Как бы мне хотелось выяснить более подробно, что она чувствует, но я встаю и прощаюсь с ней — Женщиной-Мечтой, а Марию Леос плетется за мной с потерянным видом. Как я его сейчас хорошо понимаю!

10 июня 2009 г.
Вильяэрмоса

ВСЕ ПЕРЕМЕШАЛОСЬ

Я был с художником Рикардо Хименесом Альваресом на развалинах Комалькалько. Когда-то здесь был большой город майя, 25 тысяч жителей. Они смеялись, целовались, делали детей, отнимали себе все больше пространства у сельвы. Потом города не стало. Пирамиды майя засыпали землей и ушли. Никто не знает: на восток или на запад? Остался в сельве странный засыпанный город, который нашли и раскопали в конце позапрошлого века.

Мы с Рикардо поднялись на самый большой акрополь и остановились у ниши, подготовленной для покойника, но его туда почему-то так и не положили. Потолок ниши из разноцветных осколков камней, а весь акрополь из кирпичных плит, длина некоторых из них больше метра.

На небе солнце и облака совсем близко, почти вплотную.

— Хочешь, — спрашивает меня Рикардо, — я вызову ветер? У меня сегодня получится, ведь мой отец был колдуном, и он научил меня некоторым своим деяниям, по-другому я их назвать не могу.

— Вызывай, — соглашаюсь я, — авось станет легче дышать.

И Рикардо начинает посвистывать, именно посвистывать, а не свистеть. И тут неожиданно возникает плавный ветерок, и он постепенно обретает такую силу, что волосы на моей голове начинают шевелиться. Наверное, мои глаза наполняются восторгом, жаль, что у меня нет с собою зеркала, а Рикардо, довольный собой, смеется. Он говорит:

— Видишь, я выполнил свое обещание.

И начинает мне рассказывать, что в этом городе Комалькалько наверняка от большинства людей исходило зеленое сияние, потому что они были добрыми людьми, — от злых людей никакого сияния не исходит, а в земле они превращаются просто в горстку пепла, а вот люди с зеленым сиянием никуда не уходят, а потом, в другой жизни, они самопроявляются, поэтому живут вечно. И он, художник Рикардо Хименес Альварес, чувствует свою связь с одним из жителей Комалькалько, предки которого жили в Атлантиде, но пришло время, когда следовало Атлантиду оставить, и тогда их общие предки пришли в Мексику, минув Канаду и США, чтобы здесь построить свои города, напоминающие Атлантиду.

Мне кажется, что от Рикардо исходит зеленое сияние. Мы познакомились несколько дней назад, когда открылась выставка в одной частной галерее Вильяэрмосы. На выставку тогда пришло много народу, и одна галеристка из госгалереи, которая никак не могла понять, почему на ее выставки появляется только несколько человек, а тут...

И от картин Рикардо Хименеса Альвареса исходило трепетное зеленое и оранжевое сияние — жизни и нового возрождения. Его коты и ягуары имели человеческие лица, боль и радость переплетались, а влюбленная кошечка думала, каким образом окольцевать своего избранника. А на заднем пейзаже возвышались развалины пирамид, скрытые причудливым туманом, словно это был не простой туман, а кольца дыма сигар; множество колец, замкнутых в цепочки, как недели, месяцы и годы нашей жизни, где хорошие и плохие поступки не пропадают бесследно, а оседают в нашей памяти, чтобы в подходящий момент выплыть из нее, как со дна моря.

Картины были написаны маслом на папирусе, изготовленном художником самодельно. Но этот папирус был прямым и спокойным, нигде не горбился, как глады Мексиканского залива при штиле; я никогда прежде такого папируса не видел, а лицо художника украшали усы и борода, а его работы предвещали афиша с биографией, что он учился на художника в главном городе штата Чиапас, славного своими колдунами и колдуньями, а потом его выставки с успехом прошли в Париже, Милане, Палермо, Мехико и других больших городах, а вильяэрмосцы, пришедшие на выставку, только и делали что щелкали своими фотоаппаратами, а художник Рикардо Хименес Альварес мелькал между своими работами и не уставал объяснять, что все мы связаны с природой, вышедшие не только из материнского лона, но и из лона природы, внезапно проявившиеся на свет посредством толчков женского тела, как будто растение из одного семени. И в момент нашего появления на свет собачки из близлежащих дворов не лают, словно ощущают на своей шерсти нежные руки повитухи, стоит безмолвная оторопь, которая должна прерваться младенческим криком. Но и картина похожим образом проявляется на свет, как выплеск долговременной энергии, тянущейся внутри материнской утробы; крик, знаменующий жизнь.

Он говорил медленно, но фразы все были округлы, как солнце, чьи лучи бродили по его картинам, я это ощущал и совсем не удивился, когда притронулся к папирусам, и все они были теплыми, а Рикардо, сощурив глаза, пригласил меня побывать в городе Комалькалько, вернее, в городе пирамид, а не в том, обыкновенном, который вырос рядом с пирамидами.

— Сеньор, — сказал мне художник, — вы много приобретете на этих гордых развалинах, имеющих в диаметре 7 километров, но перед вашими глазами пройдут века, наполненные драмами и жизнью, потому что нет ничего прекраснее дворцов, возведенных во имя жизни, а в музее есть чашки, обыкновенные только с первого взгляда, но эти чашки давали жизнь дворцам, потому что из них пилась вода жизни, вечная, как музыка. Слой за слоем воздвигались эти дворцы, а рядом быстро рос акрополь для мертвецов, еще более величественный, потому что по нему ходила Душа Тьмы, перевитая Духом Пакаля, а маску Вечного Пилигрима из Атлантиды нашли случайно, но сейчас она служит вечным амулетом развалинам города пирамид Комалькалько.

Мы поехали в этот город прошлого. Город необыкновенных конструкций, скрепленных раствором из перемолотых моллюсков, оказавшимся прочнее цемента. В пустой и одновременно наполненный жизнью город, потому что сельва кругом раздвигала птичьи великие соло, похожие на музыку Дебюсси, а над развалинами кружились сотни стрекоз и бабочек. Наверное, их было, если суммировать, ровно 25 тысяч, но я уже перестал удивляться, но тут художник Рикардо Хименес Альварес сказал мне, что удивление — повод жить дальше, а я не стал спорить.

Вот тогда-то он и позвал ветерок, пришедший ниоткуда и быстро исчезнувший. И лицо его стало маской Вечного Пилигрима из Атлантиды, и мне неожиданно показалось, что на небе возник орел с дерзновенными крыльями — именно тот, которому поклонялись индейцы пирамид Комалькалько.

15 июня 2009 г.
Вильяэрмоса

Вторая любовь

Тогда я учился в университете и был самым плохим студентом-историком. Потому что мне быстро разонравилась история как таковая, а нравились сочинять свои истории, которые я безуспешно пытался предлагать газетам и журналам, но они никому не были нужны. Из Москвы и Питера мне приходили холодно-вежливые отказы.

Тогда я читал запоем. Книги меня вбирали целиком. Повести чередовались с поэмами, стихи с романами. Сотни закладок в книгах, которые я вынужден был сдавать в библиотеку. Расставался я с ними с трудом. А еще я таскался по книжному магазину, и иногда мне попадались настоящие книги. Не так часто, как хотелось бы. И даже пару раз познакомился с поэтами. Уже давно печатающийся. Плохо, когда сто поэтов или людей, считающих себя поэтами, собираются в одном месте и делают вид, что слушают друг друга. Сейчас я живу в Вильяэрмосе (Юг Мексики), и два дня назад здесь состоялся фестиваль латиноамериканских поэтов. Их наехало больше сотни. И они были очень вежливы друг с другом, вежливы до безобразия, а мне было одному хорошо среди них, потому что я их стихотворений не читал и никому не завидовал, и меня никто из латиноамериканских поэтов не читал. Меня знакомили с ними, и я обещал их всех пере-

водить: поэта из Панамы, поэта из Чили, поэта из Уругвая. А они обещали переводить меня на один испанский язык, потому что с бразильским поэтом, пишущим на португальском, я не успел познакомиться.

Бог с ними, с поэтами и с их любовницами, потому что почти все латиноамериканские поэты приехали со своими любовницами. Просто они должны своих муз иметь рядом с собой. Под боком. И больше всего эти поэты написали эротических стихов. Не потому что они эротоманы, а потому что современная латиноамериканская поэзия без эротики невозможна. У меня, бедного, до сих пор голова болит от их стихов, так много я их наслушался. Но я пишу об этом фестивале вовсе не из-за их стихов, а потому что вместе с чилийским поэтом приехала молоденькая чешка, удивительно похожая на Зосю Марчевскую, в которую я посмел влюбиться на первом курсе университета.

Я старался быть все время рядом с этой чешкой, а она, в конце концов, начала полукрыто со мной заигрывать. Мы пошли в маленький ресторанчик, заказали кофе и мороженое, и я выложил ей историю о себе и Зоське Марчевской, а чешка меня подбадривала своими ярко-спасательными глазами, будто обещала уйти от своего чилийца и остаться со мной в Вильяэрмосе.

Но вчера она уехала, что к лучшему, ведь она отвлекала меня от воспоминаний о реальной Зосе Марчевской и о благозвучном времени, которое я провел когда-то во Владивостоке.

С Зоськой меня познакомила Таня Краюхина. С Таней я учился в школе, но она ничего не думала, когда нас познакомила, — просто в ней сработала женская интуиция, а я влюбился сразу, потому что Зоська была полькой, а я тогда зачитывался Прустом, Жеромским, Сенкевичем, Броневским, Тувином, Галчинским, Ставинским. У последнего мне особенно нравилась повесть "Влюбленный пингвин", но Зоська училась на факультете романо-германской филологии и польских писателей и поэтов не читала. Исключительно Шекспира, Донна, Барстоу, Силли-тоу... Я ей на первом же нашем свидании пересказал канву "Влюбленного пингвина", а она мне сказала:

— Только надо, чтобы чувства у нас были настоящими, а не книжными.

— Я тебя понимаю, — сказал я. — У нас с тобой мысли похожи, как у близнецов.

Я тогда ушел чуть говорить уверенно. Только перед университетскими преподавателями слегка терялся. И еще перед Зоськой Марчевской, слишком она была строгой и величественной. Не терпела пустых разговоров. И сердилась, когда считала, что мы время тратим впустую.

А мне времени совсем не было жалко. Когда мы были рядом, и я мог гладить ее ладонь, уже не страшась ее сердитой вспышки. Но поцеловать я Зоську долго не решался, так долго, что она сама меня поцеловала первой и при этом сказала:

— Сегодня ты восхитительно выглядишь!

Так она сказала, чтобы оправдать свой поцелуй, а я засмутился, ушел в себя, покраснел, совсем некстати пролепетал: "Спасибо!". Она засмеялась, играючи своими колдовскими глазами, и тихо совсем произнесла:

— Какой же ты, Гарик, еще ребенок!

Когда мы расстались, я шел по Владивостоку и нес Зоськин поцелуй. От Мальцевской переправы до общаги, и сторонился встречных людей, чтобы они меня не задели и чтобы мои губы не выронили Зоськино дыхание. Понятное дело, губы у меня были крепко сжаты.

Ничего эротического у нас не было. Только клятвы и поцелуи.

Я боялся, что Зоська встретит красивого молодого человека, влюбится в него и придет на последнее свидание с явным намерением бросить меня.

— Не бросай меня, Зося Марчевская!

— Какой же ты глупый!

— Это у меня получается непроизвольно. Так не бросишь?

— Кто его знает.

У меня тогда была одна злобедная болезнь — фантазирование. В моей голове кружились не сто фантазий, а в десять раз больше. Даже перед Зосей я не мог удержаться.

Из-за моих фантазий мы в конце концов расстались. Потому что Зося не могла терпеть трепачей-фантазеров, а я был именно таким. Я бы на ее месте поступил точно так же. А еще виноватым оказался мой бывший друг Генка Колосов. Он наговорил обо мне много несуровностей, но мои оправдания не помогли, ведь я тогда не знал, что женщин следует слушать и не перебивать, а я перебивал Зосю, а она злилась, и было уже понятно, что я ей не нужен. И тогда она сказала зло и резко:

— У меня есть другой!

Я опешил, а она повторила:

— У меня есть другой!

И только сейчас я понимаю, что никогу у нее не было. Даже меня.

Ну, что еще нового можно написать об эмигрантах? Уже все писано-переписано, сказано-пересказано. Вспомните эмигрантскую классику — удивительного генерала Чарноту, похождения непотопляемого "графа" Невзорова, свирепого эдфея Хаджет Лаше, героев Тэффи, Амфитеатрова, Алексея Толстого, незабвенные строчки Ходасевича, Поплавского, Георгия Иванова, Гиппиус, Бунина, Набокова, потрясающие дневники белых генералов. А сколько замечательных эмигрантов покоятся на Сен-Женевьев-де-Буа или Пер-Лашез в Париже, Сан-Микеле во Флоренции, в святой иерусалимской земле! А "корабль философов", Куприн, Бродский, Ростропович, Барышников? Суперэмигранты. Какие имена, какие люди!

Ну, что можно интересно сказать на эту тему после Сергея Довлатова, Дины Рубиной, Игоря Губермана?

И все же у многих из нас, ветеранов "большого заезда" конца восьмидесятых — начала девяностых годов, сохранились свои грустные, печальные, смешные, крученные, мудреные истории, байки, анекдоты, придумки и "мишигасы". Когда-нибудь найдутся и из наших рядов правдолюбцы, жизнеписатели и фантазеры, которые пустят гулять по свету новых Невзоровых, Нальмовых, Адольфов Задеров и Чарнот. Еще ждет своего летописца дорогой нашему сердцу Брайтон-Бич. Еще скажут забываемые слова про горячие пирожки из "Интернешенала", про книжки от Камкина, про "Распутину" и "Сандуны". Про магазин "Моня и Миша".

Неисчерпаемы многократно затронутые темы пышнотелых красоток в шубках от "Ле Монти", покупающих красную икорку на продуктовые талоны для бедняков. Незабываемы ладиспольские и неттуновские деньки, переключки, пляжи, ожидание виз. Дивные слова "Джойнт", "Хиас", "Вена", "пособие", "гринкард". Ласковые и добрые дамы и господа из НАЯНЫ, которые нежно предлагали всем мужьям выучиться на сантехников, а женам — на бухгалтеров и косметичек. Мы и наши детки, с криками "Грандо сконти! — Большая скидка!" продающие матрешек, оловянных солдатиков, "Зениты", якобы текинские ковры и прочую дребедень в жаркий августовский денечек на римском рынке "Американа". Ведь было же?

Уверен, эмиграция настолько непостижимая штука, что у каждого второго найдется свое заветное воспоминание, которым не стыдно поделиться за бокальчиком "Балтики № 9" и морским салатиком в "Татьяне" или дивными яичками молодого барашка в "Апшероне".

Единственно, на что я претендую в этой своей эмигрантской картинке, это то, что она совершенно невероятна и абсолютно правдива. Потому и запомнилась, потому и была пересказана сыну. Он захочет — расскажет дальше, хотя кому это будет интересно еще лет эдак через двадцать?

Итак, наши приключения начались с первых же дней, когда вопреки здравому смыслу и советам знающих людей мы начали эмиграцию не как все нормальные люди, через западные Чопы и Львовы, а решили плыть из Одессы в Вену вверх по Дунаю.

Думаете, веселая была речная прогулочка? Свежий ветерок,

расслабуха, чудные виды, Европа, а? Мы и еще пара десятков авантюристов плыли со стариками, малыми детками и непосильным громоздким и полуненужным скарбом на маленьком прогулочном катере на подводных крыльях. Кроватей никаких не было. Поверх сидений положили здоровенные доски, получились симпатичные колымские нары, на которых мы ночевали. Было темно, тесно, неудобно, и не всегда в такой спартанской обстановке можно было нащупать именно свою жену.

Но это было еще полбеда. Хуже, что (миль пардон) туалетик был на катере только один, и если кто-то на катере съедал что-то "второй свежести", об этом знал весь катер. Вторые полбеды была лишняя пара-тройка румыно-болгаро-австрийских таможен, которые быстро превратили наши дембельские чемоданчики в состояние незакрываемое и неопишное. Но винить было некого. Сами напросились. При всем при том успевали и на дунайские волны поглядеть, и вальс "Дунайские вол-

сок, элегантен, загорел и седовлас, что наши наиболее чувствительные одесские дамы начинали без нужды суетиться, прихорашиваться, и вообще, как говорят в Одессе, "терять лицо". Красивая была пара.

Эдит как-то раз спросила, чем она может нам помочь. Мы отвечали, что главные проблемы будут в Риме, ибо, по слухам мгновенной и безошибочной эмигрантской почты, виз в Америку больше не дают, и неизвестно, будут ли. Она обещала подумать. О чем? Чем она, прима на пенсии и хозяйка пары-тройки эмигрантских мотелей, могла помочь?

Наступил день отъезда. Мы, напрягая окрепшие от переноски и перепакровки чемоданов мышцы, впахивали в автобусный багажник расшарканный и расхристаный наш скарб. До отъезда оставалось всего пара минут, нам хотелось попрощаться с Эдит, но ее нигде не было. Вдруг во двор влетает спортивно красная. Эдит быстро обнимает нас на прощание и сует мне клочок бумаги с имена-

ра, и не в старых шортах. Министр все-таки! Но жена с присущей ей энергией и решительностью быстро подавила бунт на корабле, и вот она, Пяцца дель Джезу, очаровательная старинная площадь.

Министерство находилось в такой красоте ренессансного особняке, что моя нетвердая решимость повидать посла сейчас уже и совсем ослабла. Мы даже почему-то не задавали себе простых и логичных вопросов: а есть ли финансовый министр вообще сегодня в своем министерстве, а может, он вообще где-то в Европах заседает на важных финансовых сходах и тусовках? И последний, еще более простой и логичный вопрос, который у нас даже не возник, — а кто мы такие, чтобы он, министр, с нами встречался, да и что мы ему скажем? Но я уже неоднократно повторялся: жара, август, жить негде, мозги набекрень.

Как известно, Бог заботится о самых малых овечках своих — Его волей министр оказался на месте. В прохладной приемной министерства секретарь в безу-

ков, с гостиницами трудно, позвоню-ка я моему другу министру внутренних дел. Он, правда, сейчас в отпуске, и в данный момент играет в гольф, но мне не откажет". Который министр внутренних дел, "мент" по-нашему, не отказал. Нам нашли свободный высшего класса номер в фешенебельном отеле "Ритц". Мы тепло поблагодарили обоих министров за заботу и ласку, но скрепя сердце отказались, сославшись на временные финансовые трудности. Не уверен, что сейчас, через двадцать лет, мы бы осилили мнототысячный за ночь номер в "Ритце".

Потом секретари долго обзванивали разные департаменты на предмет финансовой нам, эмигрантам, помощи. Наконец один из них торжественно заявил: "Господа, вы, наверное, не знаете, но есть такая организация. Она вам обязательно поможет. Это ХИАС!". Мы поблагодарили, конечно, но нам ли не знать добрых дядей и тетей из ХИАСа после многочасовых очередей к ним на прием? Спасибо им великое, но больше помочь нам они уже не могли.

Мы были обласканы, напоены кофе и прохладительными напитками и провели у министра не 10 минут, как сказал вначале секретарь, а добрых полтора часа, в течение которых министр нередко и с видимым удовольствием повторял: "Ах, Эдит, ох, Эдит". На прощание он дал нам свою бизнес-карточку и еще одну, присовокупив: "Это карточка моего друга, торгового атташе США в Италии, быть может, он поможет вам с визами".

Приободренные опытом, на правах уже законных чад лейтенанта Шмидта мы на следующий день двинулись к торговому атташе США в Италии. Он тоже долго рассматривал нас и попытался выяснить, откуда мы, босяки, знаем министра финансов. На что мы небрежно заявили, что являемся близкими друзьями его близких друзей из Вены. Он записал наши фамилии и обещал нам помочь с визами, опять-таки заявив, что это совершенно не его "field".

Мы так никогда и не узнали, помог ли он в самом деле. Прожив короткое время вместо "Ритц"-отеля в неплохой совсем квартирке в Неттунно, мы благополучно прошли интервью и получили визы. До португальского посла мы так и не добрались. Уже не нужно было.

Перелет вы все помните: Аэропорт Леонардо да Винчи — аэропорт имени Джона Фитцджеральда из семейства Кеннеди. Америка, вторая наша родина, раскрыла нам свои объятия.

Проста мораль этой правдивой эмигрантской истории. Конечно, не ради нас напрягался министр финансов доктор Витторио Алессандро. Ради бывшей своей милки, пассии, зазнобы, называйте, как хотите, Эдит Лейрер. Ради памяти об очаровательной женщине, в которой, видимо, было нечто такое, что подвинуло его после стольких лет помогать чужим людям. А мы были просто, как говорят французы, "постильон дамур" — почталыонами любви.

Можно представить, как министр финансов, играя в гольф с министром внутренних и прочих дел, с послами Португалии и разными торговыми атташе, рассказывал им смешную байку о двух смешных эмигрантах с их маленькими и странными проблемами. Но может, закрыв глаза, он увидел рядом великолепное гибкое тело прима-балерины с той давней поры молодости. Как говорил Данте, это была "любовь, что движет солнца и светила". О чем это я? О жизни, конечно...

Александр ЧОКЛИН

ЭМИГРАНТЫ

ны" помурлыкать. Для многих — первая граница, разевали варежку и глядели по сторонам, Европа все же!

Вена. Рано утром привезли нас на ближайшую окраину в Бог-ом забытый мотельчик. Он не слабо напоминал Хиросиму через несколько дней после того как. Все, что можно было сломать, скрутить, снять, сцапать, стырить, с...издить, — было так и сделано предыдущими волнами нашего брата — эмигранта. Но хозяйка мотеля стойко переносила все тяготы, расходы и неудобства, ибо за них ей, видимо, нехило платили щедрые еврейские организации, дай им Бог здоровья. Она уже ничему не удивлялась, да и как добрая душа, похоже, сочувствовала нашему эмигрантскому раскладу.

Вот о хозяйке немного подробнее, ибо она чуть попозже стала главной героиней этой истории. Хорошо сохранившаяся дама "околобальзаковского" возраста, элегантно одевавшаяся и все еще вполне аппетитная, как позже выяснилось, была некогда прима-балериной венского балета. Она объездила полмира, всюду бывала, много и многих знавала и коротала ранний пенсионный век на богатой ниве отельчиков и мотельчиков. Звали ее Эдит Лейрер. Эдит, если ты жива, прими еще раз наше искреннее эмигрантское "Thank you very much!"

Как и большинство австрийцев, она отлично говорила по-английски и довольно быстро вычислила нас с женой как сносно изъясняющихся на этом же языке. Мы нередко болтали с ней в свободное от неотложных эмигрантских дел время. Про что могут говорить венская прима-балерина, хотя и бывшая, с парой полусумасшедших от забот и непонятной будущности эмигрантов? О жизни, конечно.

Мы подружились, насколько это было в той обстановке возможно. Она была рассудительная, не кичливая и много повидавшая жизнь европейская дама. За ней на красном спортивном "Феррари" часто заезжал Оскар, по-нашему — ейный "бойфренд". Он до того был вы-

ми и цифирью. "Если будет трудно, это может вам пригодиться", — на прощание сказала она.

Трудно нам стало в Риме довольно быстро. Слухи — виз не дают. Никому. Никакие рассказы и легенды о беззаконии, жутких преследованиях, кознях властей предрежащих не помогают. Август. Жара. Убогая гостиница на дальней окраине. Трехлетний пацан, старенький дедушка, всего ничего денег. Нужно искать квартиру в Риме. В курортный сезон. С нашими деньгами и с нашим знанием итальянского. Все, что мы знали на благозвучном языке Данте и Петрарки, это "Йо вольо апартаменто", то есть "Я хочу квартиру". Все как у всех. Ну, вы помните!

И тут и я вспомнил про Эдит и ее бумажку. По разгильдяйской своей натуре еле нашел ее в заднем кармане вида выдавших шортов. Открыл — и мы с женой обалдели. Четко и внятно было написано: "Доктор Витторио Алессандро, министр финансов Италии", адрес и телефончик министерства. Но это было еще не все. Ниже стоял адресок посольства Португалии в Италии, имя и телефон самого "его экселленции" уважаемого посла.

Оставалось только стоять и тарашить глаза, что мы с женой и сделали.

Признаюсь, мы сильно огорчились от наивности Эдит и ее непонимания нашего эмигрантского момента. Ну, в самом деле, при чем здесь итальянские финансы и Португалия? Визы нам нужны, туда, в Америку, а не послы с посланицами.

Но вы помните: Рим, август, жара, безденежье, безнадега. Наверное, тогда от этого всего наши мозги были немного размягчены и съехали набекрень. Еще пару дней мы безрезультатно прощались по Риму в поисках "апартаменто". Ничего.

И вот в один из таких денюхов уставшие, голодные и пыльные, мы, не сговариваясь, неожиданно потащились в сторону министерства финансов на Пяцца дель Джезу. Сначала были вялые протесты с моей стороны на предмет побраться, переодеться, причепуриться и прийти завт-

коризненным прикиде, долго и не понимая, рассматривал двух странных посетителей. Видимо, мы мало были похожи на столпов финансовой элиты, у которых могут быть дела к самому министру. Мы изрядно растерялись, но все же с помощью языка мимики и жестов дали понять, что у нас архиважное послание господину министру от госпожи Эдит Лейрер из Вены. Секретарь это все записал и пошел узнавать. Мы себя в этот момент чувствовали нахальными самозванцами, совсем как знаменитые сыновья незабвенного героя революции лейтенанта Шмидта в лице Михаила Самуэлевича Паниковского. Мы даже слегка поспорили: нас вышвырнут так или кликнул полицию?

Опять-таки Божья десница прикрыла нас в трудную годину. Минут через десять вернулся секретарь, сияя, как красно солнышко, и повлек нас вверх к самому министру. Обалденный оставленный старинной мебелью кабинет. Сам министр — "околобальзаковского" возраста элегантный мужик — шел нам навстречу, широко улыбаясь. "Чем я могу быть полезен друзьям Эдит Лейрер?" Мы, запинаясь и мекая, невнятно изложили суть дела. Мы, мол, очень сильно "волью апартаменто", и вообще, виз в Америку не дают, и пить хочется. Министр сказал, что касательно виз он не в курсе дела, не его это, мол, участок работы. А вот насчет квартиры он попробует.

Теперь представьте картину маслом — министр финансов Италии и его два помощника, в течение минут пятнадцати не слезая с телефонов, ищут жилье для двух подозрительных типов-эмигрантов!

Лето, Рим, время отпусков. Ничего такого даже министр найти не смог. Это не Россия ведь. Там позвонили откуда надо — и принесут на блюдечке даже с голубой каемочкой. Но это, простите, Италия.

И другая пикантная, но любопытная мелочь: министр после напряженных телефонных усилий говорит нам: "Сами понимаете, господа, сейчас время отпус-

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. 372-572).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68 www.odessitclub.org.